

СТЯЛКЕР

Дмитрий Лазарев

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]
ПРОТОКОЛ «ЧУМА»

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Лазарев

**Зона Посещения.
Протокол «Чума»**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лазарев Д. В.

Зона Посещения. Протокол «Чума» / Д. В. Лазарев —
«Издательство АСТ», 2018 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-111666-8

Бесследно исчезает затерянный в тайге городок, и все, кто пытается его найти, исчезают тоже. Все Измененные к востоку от Уральских гор вдруг устремляются неведомо куда, повинаясь только им слышному зову. Сталкер, решивший завязать со своей рискованной профессией и вернуться домой, оказывается в самой гуще странных и кровавых событий. Игра мечты команды ролевигов неожиданно превращается в битву за выживание, а в таежной глуши стремительно созревает вирус, способный уничтожить все человечество. Кому окажется под силу распутать этот смертельный узел?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111666-8

© Лазарев Д. В., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Художник	9
Глава 2. Виктор	12
Интерлюдия 1. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)	16
Глава 3. Художник	18
Глава 4. Виктор	20
Интерлюдия 2. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)	23
Глава 5. Художник	24
Глава 6. Виктор	27
Интерлюдия 3. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)	31
Глава 7. Художник	34
Глава 8. Виктор	39
Интерлюдия 4. Дневник неизвестного (Десятый год метеоритного дождя)	41
Глава 9. Художник	42
Глава 10. Виктор	44
Глава 11. Родион	48
Глава 12. Художник	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Лазарев
Зона Посещения. Протокол «Чума»

© Д. Лазарев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Северный Урал. Окрестности Шелеховского. Девятый год метеоритного дождя

Федор Дмитриевич Воскобойников устал, но останавливаться не собирался: кто знает, сколько времени ему отведут охотники за его головой? Он совсем недавно избавился от трупов первой партии... Точнее, двух первых партий с разных сторон. Но будут еще, сомневаться не приходилось. Этих он не убивал, нет. На сей раз частично они перебили друг друга сами, частично поработал удачно подвернувшийся сувайвор, но в дальнейшем профессору придется полагаться исключительно на себя. А значит, надо быть готовым.

Здесь, внизу, Федор Дмитриевич совсем потерял счет времени. Смена дня и ночи проходила мимо него. Вернее, над ним, поскольку находился он в глухом бункере. Его наручные часы были электронно-механическими, и стрелки показывали без пяти двенадцать. Полдень? Полночь? Воскобойников не знал, да и не особо этим интересовался. Камеры наружного наблюдения не включал – экономил энергию генератора. Спать хотелось просто адски, но и это не было показателем – последние месяцы его режим сна и бодрствования полетел к черту, а за прошедшие с момента визита Стрельцова двое суток он и вовсе прикорнул от силы на пару часов.

Сейчас перед ним на столе стояли три пробирки с кровью: сувайвор и «лояльные» фризера и кинетик. Не такой плохой набор для эксперимента. На ком? Конечно, на себе, потому что в его жилах тоже течет кровь сувайвора, дающая шанс выжить при подобных экзерсисах. У других такого шанса нет: либо *изменение*, либо смерть. Да и будет преступно с его стороны позволить пропасть столь ценному материалу. Хотя бы ради науки. И ради выживания тоже. Отсидеться здесь больше не получится – безжалостный большой мир вот-вот выдернет его из этой раковины властной рукой. Чтобы раздавить.

Но миру для этого придется потрудиться. Еще недавно профессором почти полностью владел фатализм, лишь слегка разбавленный научным интересом к происходящему снаружи. Но всего лишь один разговор с этим отчаянным и безрассудным сувайвором Стрельцовым неожиданно многое изменил. Не сразу, нет. Понадобились почти сутки, чтобы зерно, упавшее на иссохшую вроде бы почву, неожиданно взошло. Сначала он просто проследил за уходящим в безнадежную битву сувайвором, понаблюдал через скрытую камеру за его схваткой с «лояльными» и слегка удивился ее исходу. Далее на всякий случай взял образцы крови убитых «лояльных», избавился от их трупов, а потом... Интерес к жизни пробудился внезапно, вместе с пришедшей в голову идеей. Странной, безумной, авантюрной, но... почему бы и нет, черт возьми?! Что теряет почти уже обреченное человечество? И что теряет лично он, профессор Федор Дмитриевич Воскобойников? Но если задуманное им удастся... От перспектив просто захватывало дух. Только для начала необходимо как минимум выжить.

Следующие сутки прошли в яростной, до фанатизма, работе. Слишком многое нужно было сделать, прежде чем покинуть это убежище, переставшее быть безопасным. Материалы, образцы, данные, кое-какие приборы, достаточно легкие и компактные, чтобы их можно было прихватить с собой... Еще кое-что... И кровь. Наконец дело дошло и до нее. Последнее, на что ему надо было решиться. Впрочем, на фоне всего остального это уже не казалось чем-то страшным. Просто еще один рискованный, но необходимый шаг. Сначала кровь сувайвора, потом, через час, – фризера и на десерт, еще через час, – кинетика. Все должно пройти нормально.

Итак, первая инъекция. Профессор с удовлетворением отметил, что рука его тверда и пальцы почти не дрожат. Четкое, выверенное попадание в вену на локтевом сгибе левой руки. Через полчаса наступила реакция – озноб, слабость, тошнота, – чужая кровь пыталась прижиться в организме. Но это все преходящее, а вот что получится в итоге? То есть как инъекция отразится потом на его возможностях? Ответ даст лишь время, если, конечно, оно у него будет.

Включить монитор камеры слежения у второго входа? Пожалуй, стоит. Топлива для генератора осталось всего ничего, но куда его копить – он так и так здесь уже не останется. Воскобойников нажал кнопку. Пустой лес. Светло. Стало быть, «без пяти двенадцать» это был полдень. Воскобойников глупо хихикнул. Через час Федора Дмитриевича еще не отпустило, но медлить он не стал – что-то внутри будто прищипывало его, зудя в ушах зловещим предсказанием, что время вот-вот истечет.

Фризер. Колотить стало сильнее, но не сразу, а минут через пятнадцать. С легкой отстраненностью типично научного работника, будто речь шла не о нем самом, профессор отметил, что на второй инъекции реакция наступила быстрее. В чем причина? Неправильная очередность введения? Или так действует кровь «лояльного»? Может, организм просто отторгает ее? Или следовало сделать более продолжительную паузу между уколами? А если та присадка, что обеспечивает зависимость «лояльных» от постоянных вакцинаций антиновы, не преодолевается кровью сувайвора, как он рассчитывал, а наоборот – вызывает фатальную реакцию? Раньше Воскобойников думал, что паника и апатия – вещи взаимоисключающие, но вот сейчас у него они каким-то диким образом ухитрились совместиться. Страх завладевал им. Но сил, чтобы сделать с этим хоть что-нибудь, не было. Даже голова начала уже туго соображать. Передозировка биологически активных жидкостей в организме? Отравление чужим генным материалом?

В этой мучке прошел еще час. Воскобойникову было уже очень плохо. В глазах стоял туман, в ушах – шум, тело было словно ватное, а во рту – мерзкий металлический привкус. Мысль, что он, быть может, умирает, пришла просто и буднично, словно подумал о насморке. А между тем паника внутри нарастала. В голове будто вопил кто-то: «Скорее! Времени нет! Они приближаются! Давай! Третью пробирку! Ну же!!»

Рука профессора потянулась к шприцу со стимулятором и на мгновение замерла, не получая решительной команды рассудка. Его разум находился в смятении: состояние было таким, что укола стимулятора могло не выдержать сердце. С другой стороны, без укола стимулятора еще чуть-чуть – и прикажет долго жить все остальное. Даже третью инъекцию не сделать: перед глазами все расплывалось, руки дрожали – в вену можно попасть разве что случайно. Но команда поступила, и пальцы правой руки сомкнулись на шприце.

А ведь когда перед процедурой Федор Дмитриевич специально наполнил шприц стимулятором и положил рядом с пробирками, он сам себя назвал перестраховщиком. Сейчас бы он даже набрать шприц, пожалуй, не смог. Хриплый, лающий смех разорвал тишину комнаты. Он, впрочем, быстро угас, так как отзывался сильной болью в горле. Взять шприц и сделать укол в левое предплечье оказалось самым сложным испытанием – Воскобойников боялся сломать иглу. Но он справился.

Пошло дело! Стимулятор был нестандартным – профессор сделал свой, по особой формуле, более мощного действия. Убирает слабость и тремор, временно придает ясность мысли и... еще кое-какие эффекты. Правда, потом придет расплата. Жестокая. Не думать об этом – в конце концов, где он, а где «потом»! Озноб отступил. Тошнота и мерзкий вкус во рту остались, ну да и черт с ними – они ему не мешают сделать главное. Федор Дмитриевич поднял руку, сфокусировал на ней взгляд и сделал сразу два вдохновляющих открытия: он снова видел четко и рука не дрожала. Это ненадолго, но ему хватит. А вот боль за грудиной с левой стороны пугала: моторчик-то в экстремальном режиме работает, как бы не сгорел – ему ведь уже сорок лет как не двадцать пять.

Последняя пробирка. Кровь кинетика. Набрать шприц и ага в многострадальную вену! На сей раз реакция настигла уже через десять минут. Он снова начал чувствовать себя выброшенной на берег медузой. Третья ударная доза чужой крови подавила действие стимулятора, на отходняк от которого теперь наложился эффект от всех трех инъекций... Боже, как погано! Право слово, покончить с собой можно было и менее мучительным способом.

Взгляд мазнул по монитору следящей камеры у второго входа в бункер. Не желающее фокусироваться зрение тем не менее уловило там какое-то движение – смутные темные пятна. Пятна?! Внезапная волна ужаса вызвала бесконтрольную вибрацию всего организма. Нет, это не те вечно голодные твари, что ночами вылезали из Провалов. Это другие. С двумя руками и ногами, но оттого не менее опасные. Скорее, даже более. Это за ним. Убийцы. «Лояльные» или террористы НМП – без разницы. Для него и те, и другие означают смерть. Черт! Слишком рано. Он еще не готов. Та радикальная трансформация, которую он запустил, либо убьет его, либо превратит в нечто большее, чем человек, но на это нужно время, а те человекоподобные пятна, похоже, спешат. Сколько их? Трое? Четверо? В таком состоянии ему и одного за глаза. Как он честил сейчас на все корки собственную нерешительность! Надо было раньше сделать себе инъекции – глядишь, был бы уже готов... Или в том, или в другом смысле этого слова.

Федор Дмитриевич с невольным стыдом вспомнил то, что говорил Стрельцову насчет смириться, сдаться, сойти со сцены... Самому-то сейчас как не хочется эту самую сцену покидать! До скрежета зубного. Привык к сцене-то, прикипел! Но что он сможет? Разве что хватит сил встать навстречу тем, кто пришел забрать его жизнь.

Страшный грохот заставил его вздрогнуть и снова посмотреть на монитор. Там все затянуло серым. То ли ему зрение совсем отказало, то ли убийцы применили радикальные методы для вскрытия запасного входа – все-таки там не могучие бронированные ворота, как на главном. Послабее. Взрывчатка может и взять. Или парочка кинетиков. Значит, убийцы уже внутри.

Профессор скривил губы в улыбке, подозревая, что она сейчас напоминает судорожный оскал умирающего пса. Не успел. Совсем чуть-чуть. Наверное. Вот бы задержать их хоть немного... Где же тут это было? Ну-ка...

Искать пришлось почти на ощупь. Дрожащие пальцы нащупали большую квадратную кнопку всеобщего оповещения по громкой связи. Справившись с приступом удушливого кашля, Федор Дмитриевич нажал ее и произнес:

– Ну, здравствуйте, гости незваные!

Глава 1. Художник

Москва. Десятый год метеоритного дождя

Уши закладывает от автоматных очередей, в носу свербит от пороховых газов, и руки уже дрожат от вибрации оружия. Мы в ловушке. Я и Сиг. В чертовой. Мать ее. Ловушке. Дом окружен истребителями. Огромной толпой. И рыжеглазых вожаков среди них навалом. Не массой задавят, так заплюют. Влипли капитально! Ведь нутром чуял, что не стоит браться за это дело, так нет же! Сиг, несмотря на свое рыбье прозвище, кого хочешь уболтает. «Ты только прикинь, какие бабки, Художник!» Бабки, бабки... На черта они сдались покойникам? Пока еще удастся держать тварей на расстоянии, но надолго ли? Да и патроны кончаются...

Я срезаю длинной очередью троицу особо резвых и наглых мутантов, кинувшихся к моему окну, и вздрагиваю от дикого крика Сига. Оборачиваюсь и едва сдерживаю рвотный позыв – он поймал лицом плевок одного из вожаков, и теперь плоть слезает с него под разъедающим действием ядовитой дряни из желез мутантов.

– Твою... – только и успеваю произнести я, а на окнах уже появляются фигуры сразу двух истребителей.

Обреченно вскидываю автомат...

* * *

Сумка со стуком падает с коленей на пол, и я сам едва не следую за ней. Интересно, эти кошмары когда-нибудь прекратятся? У солдат это называется ПВС, а у сталкеров? ПЗС, что ли? Постзонный синдром? Или я первый из наших, «завязавший» не посмертно?

Наклоняюсь за сумкой и морщусь – тело затекло и болит. Кресло в аэропорту – не самое удобное место, чтобы спать, но что делать? Зверский недосып последних недель и трехчасовая задержка рейса на Иркутск не оставили мне выбора.

Домой... Хорошее слово, но что за ним кроется? Кто меня там ждет, в Иркутске? Друзья? За восемь лет поразъехались, наверное, кто куда. Родители? Мама разве что. С отцом я вдрызг разругался, когда подался на свои «зонные заработки». Для него я тогда и умер, пожалуй. Особый вид живых покойников, которые не воняют разложением, не бродят, пошатываясь, и не питаются человеческими мозгами. Это как раз про меня. Художник, ага. От слова «худо». Дурацкое прозвище, если честно, но в сталкерской среде они прилипают – не оторвешь. Так-то меня Артемом зовут. Артем – Арт (искусство по-английски) – художник. Не самая очевидная ассоциативная цепочка, но первым моим делом был вывоз картин из брошенного дома одного богача в Печоре. Так вот и стал Художником. Рассказать тем, кто знал меня в детстве – долго будут животы надрывать от смеха, – с рисования в школе я регулярно двойки приносил. Не мое это.

А что мое, интересно? Уж точно не бегать по Зоне и стрелять в мутантов. Я свое отбегал, хватит! И так кошмары мне надолго обеспечены. Живой, и ладно. Не всем так повезло. Тому же Сигу, не к ночи будь помянут... Денег я, правда, поднял, хотя и не так много, как мог бы. Все потому, что не решился с кровью Измененных связаться. Вот где сверхприбыли! Хотя и риску больше, конечно. И на душе как-то... не так, в общем.

Все, стоп! Этап под названием «Зона» для меня закончен навсегда. С каким бы итогом я ни пришел к этому промежуточному финишу, повторного забега не будет. Чем займусь в Иркутске? А хотя бы таксистом устроюсь. Или в автосервис – благо руки откуда надо растут. Что бы ни делать, лишь бы мирное. И подальше от всей этой паранормальной дряни. Наку-

шался за восемь лет до изжоги. Теперь на каши переходить надо, чтобы здоровье поправить. Психическое в основном.

Так, что это там бубнят? «Заканчивается посадка на рейс S7-154 Москва – Иркутск. Выход 43. Отставших пассажиров просим срочно подойти на посадку». Черт возьми! Чуть свой рейс не проспал! Подхватываю сумку и большими скачками несусь к выходу.

* * *

В самолет захожу одним из последних. Салон «Боинга-737» уже практически заполнен, а мой путь лежит к самому дальнему ряду сидений. Сверяюсь с посадочным талоном и вздыхаю: место 30В – не фонтан. Один из худших вариантов. Зажат между соседями – ни у окна, ни у прохода. Пять с лишним часов полета. Впрочем, ладно, мне ли жаловаться – за последние годы с комфортом у меня дела обстояли неважно. Невелика цаца – потерплю. Может, хоть отосплюсь в дороге.

Когда я добираюсь до последнего ряда сидений, места и у окна, и у прохода уже заняты. У иллюминатора дремлет мужчина лет шестидесяти, а у прохода копается в своей сумочке изящная блондинка. Довольно привлекательная, насколько это можно разглядеть с такого ракурса. Я, конечно, устал, но не настолько, чтобы не заметить.

«Хоть в чем-то повезло», – мелькает в голове. Мелькает и пропадает. Сейчас мне не до флирта – не тот настрой. Однако надо попросить ее встать, чтобы добраться до своего места.

– Разрешите?

Она поднимает на меня глаза и улыбается. Улыбка у нее лукавая и такая заразительная, что не улыбнуться в ответ я просто не могу. Блондинка смешно морщит нос, изобразив задумчивость.

– М-м... А вы мне что за это?

Сообразив, что расплываюсь в глупой улыбке, мысленно одергиваю себя. Даже если особо не собираешься ухлестывать за девушкой, выглядеть перед ней идиотом – совершенно лишнее: полет впереди долгий, и мало ли...

– Ну... мы что-нибудь придумаем, – не слишком изящно выкручиваюсь я.

Но ход встречает одобрение.

– Договорились. – Она поднимается и протягивает руку для пожатия. – Рита.

– Очень приятно. Художник, – брякаю я, прежде чем включается мозг.

– О?! – Ее глаза вспыхивают. – Вот просто так, «художник»? Безымянный? Или имя ваше слишком известно, чтобы вы его называли?

Последнее, похоже, цитата, но я не понимаю откуда. К тому же я в растерянности от своей глупой ошибки и, чтобы скрыть это, достаточно неуклюже падаю в кресло. Но она ждет ответа, и надо как-то выкручиваться.

– Ага. Широко известно... в узких кругах.

Браво, Артем, браво! Бородатая шутка сейчас – именно то, что нужно! Ты просто гений, блин! А дальше-то что? Не правду же говорить, в самом деле! И тут меня осеняет.

– Глупая оговорка. – Я пытаюсь выдать обезоруживающую улыбку, возможно, даже удачно. – Это мой ник на форуме уфологического сообщества. А так меня Артем зовут. Калитвинцев.

– Очень приятно, Артем! И очень интересно! Вы, стало быть, уфолог?

– В общем, да, – продолжаю вдохновенно врать я. – Правда, не совсем в традиционном смысле. Инопланетяне нас волнуют мало. А вот аномалии в Зонах – дело другое.

– С ума сойти! – Она кажется искренне восхищенной. – Вы ведь мне расскажете, да?

– Ну... то, что можно, расскажу, конечно.

– Отлично! Чувствую, полет скучным не будет.

М-да. Похоже, про сон можно забыть. Хотя альтернатива как минимум не хуже.

– А для начала хочу вас спросить как художник художника: вы рисовать умеете?

«Опять цитата!» – соображаю я, глядя в ее искрящиеся озорством глаза. Книга? Фильм? Вертится в голове вроде, но... Вернусь домой – точно буду больше читать! Но тут на всякий случай выдаю легкий смешок и признаюсь:

– Не очень.

– Тогда почему такой странный ник?

– Ну...

– Уважаемые пассажиры, просим вас обратить внимание на демонстрацию спасательного оборудования...

Рита морщится:

– Вот же, перебили!

– ...даже если вы часто летаете.

– Даже если, – передразнивает моя соседка.

– Действительно часто? – спрашиваю я, спеша сойти со скользкой темы.

– Более чем. – Рита улыбается. – Я стюардесса в этой же авиакомпании. Но сейчас в отпуске и лечу к семье в Иркутск.

– О как! У вас, наверное, очень интересная жизнь?

– Не без того. Хотя со временем приедается. Впрочем, до вас мне в плане интереса, наверное, далеко. Так что первый ход за вами, Артем. Вы мне должны, помните?

Ну как на это не улыбнуться? Следователем бы ей работать, а не стюардессой: с темы ее не свернешь, вцепляется как клещ. Правда, надо признать, весьма очаровательный клещ.

– Итак, я устроилась поудобнее и вся внимание. Надеюсь, вы не очень хотите спать?

– Что вы, как можно? Я просто думаю, с чего бы начать.

Она усмехается.

– Полагаю, с Художника.

Глава 2. Виктор

Иркутская область. Лесногорск. Десятый год метеоритного дождя

– Вик, ты классный парень! С тобой здорово тусить, и в играх ты хорош... как игрок.

Такое вступление в устах вечно недовольной Кейт обещало дьявольски весомое «но» в самом ближайшем будущем, а мне оставалось только смиренно его дожидаться. И ожидание не затянулось.

– Но как мастер ты – ноль. Так было, есть и будет, уж прости. Язык у тебя, конечно, подвешен как надо, но твои красочные обещания суперигры меня бы не заманили...

– Если бы? – подбодрил ее я.

– Если бы не репутация твоего брата. Хочу, чтобы ты понял: я здесь только потому, что он – мастер, а ты – лишь участник, да еще игротех на подхвате.

Сохранить на лице улыбку стоило мне большого труда. Такие слова, скажи их кто другой, отскочили бы от меня, как горох от стенки, но Кейт...

– Ты умеешь сказать приятное, – проронил я. – Только зачем? Мастер – Павел, и я на его лавры не претендую.

– Это чтобы ты не думал лишнего и не особо надувался от гордости.

– Ну, я в курсе, что иголка для таких случаев у тебя всегда с собой, – парировал я.

– Хм, Вик... – Луи сидел между нами и, кажется, чувствовал себя в этом обмене ударами не очень уютно. – Я правильно понимаю, что нам предстоит «кабинетка»?¹

– Не совсем. – Я постарался не слишком явно радоваться смене темы. – Площадка довольно просторная, но не под открытым небом.

– Может, расколешься хоть чуть-чуть, куда мы едем?

– Нет. Это сюрприз. Но когда мы приедем на место, вы обалдеете! Гарантирую – такой игры у нас еще не было никогда!

На это Кейт только фыркнула, но на сей раз предпочла обойтись без комментариев.

– Первоисточник все читали?

На этот раз без комментариев обошлись все. Зато посмотрели так, будто к позорному столбу пригвоздили. Ну да, сам виноват – вопрос дурацкий. Саймон Грин – то, что спаяло нашу ролевую команду, а «Кровь и честь»² – что-то типа священной коровы, на которую мы до сих пор не замахивались только потому, что хотели, чтобы игра получилась идеальной. У нас всех даже ники фанатские: Виктор, Луи, Доминик, Кейт, Габриэла³. И вот звезды сложились. И площадка, и мастер...

– Ладно, извините, ляпнул, не подумав, – улыбнулся я. – Но тут – забудьте. Персонажи – те же, антураж будет на высоте, а сюжет кардинально поменяется!

– Боевка будет? – поинтересовался Гэвейн, любовно поглаживая свою деревянную секиру. Ну да, этот маньяк в своем репертуаре. Доспех и оружие у него – настоящие произведения искусства.

– Все узнаете в свое время. На ролинг⁴ будет пара часов прямо на месте. – Я сделал небольшую паузу. – Но белый хайратник⁵ готовь – может пригодиться.

¹ Кабинетка – ролевая игра в закрытом помещении.

² «Кровь и честь» – фэнтезийный роман с детективным уклоном американского писателя Саймона Грина, повествующий о борьбе за трон наследников погибшего короля Редгарта.

³ Персонажи романа Саймона Грина «Кровь и честь».

⁴ Ролинг – вхождение в роль в ролевых играх.

⁵ Белый хайратник – в ролевых играх знак того, что персонаж убит.

Гэвейн ответил мне кровожадной улыбкой. Она не совсем соответствовала его образу старого солдата, но как игроку подходила вполне. Впрочем, тормоза у него были в порядке. Мы безбашенных в игры не берем – себе дорожке выйдем.

– А мастер участвует? – спросила Кейт.

Я ощутил мимолетный укол ревности. Пашка, конечно, мой старший брат и безнадежно женатый человек, но Кейт не упускает случая выказать ему свое расположение. Особенно при мне. Видимо, специально, чтобы я шибко губу не раскатывал.

– Там узнаете. – Я снова улыбнулся ей. На сей раз загадочно. Жаль, что ей по фиг мои улыбки. Всех разновидностей.

Она пожала плечами и стала демонстративно смотреть в окно, на проплывающую мимо стену елей. Ей бы Снежную Королеву играть, а не хранительницу Таггерт. Я поймал сочувственный взгляд Доминика. «Оставь, тебе не светит!» – говорил этот взгляд. Что же, я знал это, но продолжал попытки с упертостью китайского брутфорсера, вводящего пароль «МаоДзэдун».

– «Кровь и честь» в тайге? – с сомнением спросил Луи. – Это больше для «Восхода голубой луны»⁶ подходит.

– Мы с братом знаем, что делаем. Вот...

– Увидим, да, – перебил Луи. – Мы уже поняли. Русиш партизанен.

Я мог понять нашу команду: пока что все действительно выглядело не ах. Наш микроавтобус с одним из игротехов брата за рулем ехал по узкой дороге, которую с обеих сторон обступала суровая тайга. Сама дорога, правда, была на удивление приличного качества для такого захолустья. Впрочем, это для них «на удивление». А мне было все труднее стоически молчать, предвкушая отвисшие челюсти всей команды, когда мы приблизимся к конечному пункту нашего пути.

Я и сам впервые увидел *это* полностью завершенным неделю назад, когда приехал с братом на предварительную подготовку к игре. И был ошеломлен. Повезло мне все-таки и с отцом, и с братом! Брат мой единомышленник. Пока. Оба болеем ролевыми играми. Но он – мастер от бога. У него талант делать умопомрачительные игры. Вот только он собирается завязать. Эта игра должна стать его лебединой песней. А жаль. Будем откровенны: я в этом плане ему даже близко не ровня.

Что же до папы... он просто чокнутый. В хорошем смысле слова. Даже больше, чем я, а это показатель! Олигарх-романтик – вид редкий, вымирающий. Таких в Красную книгу заносить надо. Но главное – отец с пониманием относится к нашему с братом сдвигу по фазе на ролевых играх. Другой бы уже всю плешь проел, что давно пора стать серьезней, заняться делами и бла-бла-бла. Впрочем, тут меня хорошо прикрывает Пашка. Он потому и завязывает, что с головой уходит в отцовский бизнес. Вот уж наследник мечты! За свою строительную империю отец может быть полностью спокоен, стало быть, до меня можно особо не докапываться... до поры до времени.

Конечно, это свое лесногоорское чудо отец не для меня строил, а для себя – сам с такого кайф ловит, но когда мы с братом увидели еще недострой и, подобрав с земли челюсти, завели разговор о большой фэнтезийной игре, он согласился без разговоров. Ну, то есть не совсем без разговоров, но условия выставил вполне приемлемые. На предмет роста моей будущей сознательности (ну не может же отец в самом деле совсем об этом не говорить). Конечно, сыграло свою роль и то, что в этом августе мне должно стукнуть двадцать пять. Отыграть к такой дате принца Виктора, почти моего тезку из гриновской нетленки, для меня – дело чести, ни больше ни меньше. И разумеется, только там, в отцовском Логове.

⁶ «Восход голубой луны» – фэнтезийный роман Саймона Грина о нашествии демонов на Лесное королевство.

Лес кончился внезапно, словно отрезанный великанским ножом, и нашим взглядам открылся Лесногорск. Точнее, чуть больше половины Лесногорска. Сам по себе этот маленький серый городишко ничем особо не выделяется из тысяч таких же... Раньше не выделялся. До тех пор, пока на него не упал взгляд строительного магната Петра Подгурского – моего отца. Даже не помню, чем был обязан скромный Лесногорск первому визиту такой шишки. Кажется, отец инспектировал недавно приобретенный мраморный карьер к югу от городка. Дорога до Лесногорска в те времена была аховая, не то что сейчас, поэтому пришлось лететь на вертолете. Это все и решило.

Петр Подгурский увидел городок с высоты и совершенно пленился северным пригородом, вернее, его живописными окрестностями – поросшими еловым лесом холмами и спрыгивающим со склона горы Лосихи резвым водопадом. Сам Лесногорск имел форму подковы, огибающей массивный круп Лосихи, которая, разумеется, заросла лесом, как и все здесь. Воевать с ним и застраивать ее крутые склоны градостроители не стали – овчинка выделки не стоила – и расположили поселение в уютной долине у подножия. Южный «рог» подковы представлял собой основную часть города – с административными зданиями, торговым центром и кинотеатром, а также единственным, кроме карьера, местным предприятием – мебельным комбинатом, а вот северный... По сути, на тот момент он только начинал застраиваться – склады да маленький спальный райончик. Отец пресек этот процесс на начальном этапе и скупил там всю землю на корню: просто хотел и мог себе позволить – необходимое и достаточное условие соблюдено.

Позже он говорил, что увидел перспективу, только не для бизнеса, а для души, и не смог устоять. Даже для моего отца это было не совсем обычно: будь подобные закидоны правилом, а не исключением, Петр Подгурский никогда не достиг бы таких высот в своем деле. Развернулся он там основательно: и мы с мамой и братом, и бизнес-партнеры только рты пораскрывали. На осторожные вопросы и недоуменные взгляды ответ был один: «Мои деньги – моя мечта». Кстати, в строительство Логова отец и впрямь не пустил ни рубля из бюджета корпорации – редкость по нынешним временам. Только личную заначку. А в результате невзрачный захолустный Лесногорск получил хорошего качества автомобильную дорогу и достопримечательность, грозившую стать Меккой для туристов со всей области.

Вот только Логово с южной дороги не было видно – оно скрывалось за горбатой спиной Лосихи. Именно поэтому, когда наш микроавтобус въехал в Лесногорск, ничего особенного и сногшибательного мы не увидели – дыра дырой. Так что я поначалу огреб по полной – и мрачных взглядов, и пожиманий плечами, и ехидного хмыканья, и акулей тридцатидвухзубой ухмылки Луи. Но стиснул зубы и молчал, изображая из себя египетского Сфинкса. Это одна из моих масок: «Спокуха, все под контролем». Народ считал и понял – не первый год тесно общаемся. Даже Кейт не озвучила то, что наверняка крутилось у нее на языке.

Мое время пришло, когда мы обогнули куцый «хвост» Лосихи. Первым раздался длинный художественный посвист. Это отреагировал Доминик. Луи восхищенно выматерился, не забыв, впрочем, после извиниться перед дамами. Впрочем, дамам было не до его извинений, как и всем остальным: они припали к окнам, рассматривая неведомо как сюда попавший кусок средневековья. Асфальт сменился булыжной мостовой, улочку окружили каменные одно- и двухэтажные дома во французском стиле времен Столетней войны – узкие стрельчатые окна, крутоскатные крыши. Дальше – больше. Из-за домов гордо выступила высокая ратушная башня с большими часами и витиеватым бронзовым флюгером, в котором угадывалось некое диковинное создание, гибрид петуха и грифона. А на десерт... Тут уже в микроавтобусе повисла почти благоговейная тишина, потому что на вершине холма, расположившегося за средневековым кварталом, грозно восседал мощный пятибашенный замок со стенами пятнадцатиметровой высоты. Это была настоящая крепость с зубцами по верху стен, бойницами для лучников, наполненным водой рвом и здоровенными коваными воротами, к которым вел

подъемный мост. Над стенами возвышался величественный донжон, увенчанный геральдическим львом.

Логово. Даже я балдел от вида, хотя уже бывал здесь. Какое-то время наслаждался потрясением своей команды, а потом торжественно произнес:

– Дамы и господа, добро пожаловать в Полуночный замок!⁷

⁷ Полуночный замок – напичканное магией, привидениями и аномальными местами родовое гнездо королевской династии Редгарта из романа Саймона Грина «Кровь и честь».

Интерлюдия 1. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)

10 июня

В наше время, когда вокруг сплошные признаки близкого конца света, не так много стимулов продолжать жить. Думаю, подавляющему большинству людей не хотелось бы, чтобы конец известного нам мира случился при их жизни. А мне вот интересно. Мой стимул – знание. И любопытство. Вот хотелось бы мне посмотреть, как изменится мир, когда Сеятели завершат свою работу. Не думаю, что речь идет о полном уничтожении человеческого вида. Скорее, о преобразовании. Во что? Последние годы... да нет, даже десятилетия чертова уйма шарлатанов от науки кричала о фазовом переходе, толком не представляя, что это такое и с чем его едят. Сейчас у них есть шанс это увидеть. Более того – поучаствовать. Не вижу радости, господа! Почему-то только страх. Какой будет новая форма доминирующей разумной жизни на Земле? Человекоподобная или нет? Да и нужно ли будет вообще Человеку Новому (не путать с Измененными из НМП) физическое тело? У меня есть основания думать, что нет. По крайней мере от постоянной привязки к одному телу можно избавиться точно. Пробовал – получилось. Для этого достаточно избавиться от инерционности нашего сознания и перестать воспринимать себя именно как материальный объект. Полагаю, я не единственный додумался до этого. А может быть, даже не первый. Больше всего, разумеется, шансов у тех, кто подвергся *изменению*, причем давно – на территориях, подконтрольных самым первым из пробудившихся Источников Сеятелей. Интересно, то, что я собой представляю сейчас, – окончательная фаза или снова промежуточная?

Но это еще не главное. Главное в другом. Является ли программа Сеятелей жесткой, инвариантной? Будет ли она оставаться неизменной при любом ходе событий, или сможет адаптироваться к меняющимся обстоятельствам? А главное – есть ли возможность повлиять на нее со стороны? Подкорректировать программу? Моей натуре претит пассивное ожидание задуманных кем-то перемен. Мне хочется менять мир самому. Не ждать милости от Сеятелей, так сказать. Возможно, и эта мысль пришла в голову не мне одному, но я хочу попробовать ее реализовать. Естественно, не всякий сможет воздействовать на Источник – тут нужен определенный уровень знаний и возможностей. Не всякого он и подпустит к себе. Полагаю, тут должен сработать маркер «свой». Тот, кто попытается взаимодействовать с Источником, должен представлять собой форму жизни, приближенную к тому, что заведено в его программе. Тут у меня есть шансы. На данный момент я уж точно не являюсь человеком в обычном понимании. Более того – у меня был опыт «общения» с Источником, правда, кратковременного.

И еще одно. Если вы хотите приручить дикого зверя, лучше всего это делать с младенческого возраста. Взрослый, сформировавшийся зверь не поддастся на ваши приемы. Попытка дрессировать его может закончиться плачевно. Рысенка можно воспитать ласковым домашним любимцем. Взрослую рысь – никогда. К чему я все это? Мне нужно найти непробужденный Источник и «вести» его с самого начала. Так и только так у меня будет шанс «воспитать» его несколько иначе, чем в него заложено Сеятелями, поменять программу.

Как поменять? Что именно я хочу в нее заложить? Если честно, я и сам это пока до конца не представляю. У меня есть только наметки плана. Но ведь Источник тоже еще не рядом со мной, и приступать к работе с ним мне не сейчас и не завтра. Успею придумать. Проблемы нужно решать по мере их появления. На данный момент моя проблема – отыскать Источник, находящийся в состоянии предпробуждения. Проблема нетривиальная. Такой Источник не испускает достаточно сильных сигналов, которые позволили бы обнаружить его с большого

расстояния. Впрочем, у меня есть несколько идей на этот счет. Буду проверять их по очереди. Какая-нибудь да сработает. Жаль, что некому пожелать мне удачи...

Глава 3. Художник

Иркутск. Десятый год метеоритного дождя

Темнота. Бездонная. Внутри меня ворочается страх, вяжет из моих внутренностей булины, восьмерки, рифовые и шкотовые узлы, затягивая каждый со всей дури, до боли затягивая. Я не боюсь темноты. Обычной. Но эта... она живая. И голодная. Клочки мрака, от которых исходит холод и тихий шорох, словно помехи в радиоприемнике, потерявшем станцию. И еще – некий шум, но он не от них. Он в ушах, в голове. Словно нечто говорит со мной, шепчет на ухо мантру смерти. И в тот момент, когда я пойму, о чем она, просто перестану быть. Пятна – порождения Провала. Они очень близко, ползут ко мне, а я не могу пошевелиться. Стою и смотрю на них, будто под гипнозом. У них нет глаз, но я чувствую их взгляды. Нет рта, но их дикий голод отзывается вибрацией в моем животе. Сожрут. Вот сейчас они меня сожрут. Интересно, это больно? Ответ я получаю, когда ближайший ко мне обрывок алчной тьмы касается моей ноги...

Крик!

* * *

Я не сразу понимаю, где нахожусь. Номер в отеле, кровать. Испарина, легкая нервная дрожь, ощущение, что я не один. И словно в подтверждение этого чья-то ладонь ложится мне на лоб. Прикосновение явно женское. Я искоса смотрю влево. Рита. Господи, это Рита!

– Что с тобой, Тема?

– Кошмар, – хрипло шепчу я пересохшим ртом. Каждое слово, будто наждак, дерет мое горло. – У меня бывает.

– Немудрено. Бедненький! С такой-то работой... – Рита улыбается. Тепло, но опять чуть лукаво. По-другому она, наверное, и не умеет. – Эк тебя вырубил! Я так умотала, или...

– Или, – пытаюсь усмехнуться я. – Сомневаешься в моих физических возможностях?

– И в мыслях нет! – тихо произносит она, все так же улыбаясь. Ее пальцы нежно убирают с моего лба мокрую от пота прядь, лезущую в глаза.

– Правильно! Я просто мало сплю последнее время. Почти не сплю, если честно.

– Удивляюсь я вам, уфологам. – Перед последним словом она делает коротенькую паузу, но я замечаю. Не поверила? – Зачем постоянно жизнью рисковать? Адреналина не хватает?

– Э нет! Ты адреналинщиков не видела. Они в нашей профессии долго не живут. Выживают прагматики, осторожные. Параноики еще. В Зоне смерть за усы не подергаешь, потому что нет у нее никаких усов. Только полная зубов пасть.

– Поэтично ты выражаешься... Художник. – Рита ежится, поднимается, и только тут я замечаю, что она почти уже одета. – Мне пора.

– Так быстро?

– Н-да, быстро! – Она фыркает и капризно надувает губы. – Спать меньше надо!

Видимо, что-то в моем выражении лица не так, потому что усмешка блекнет.

– Да ладно, шучу я, шучу – ты спал-то всего минут пятнадцать. Однако меня могут потерять – ведь самолет давно сел.

– Позвони им.

– Угу, и что сказать? – Она садится на кровать и снова улыбается. – Что у меня бурный дорожный роман с уфологом-художником?

– А почему бы нет?

Рита легонько щелкает меня пальцем по носу.

– Мы, кажется, договаривались: никаких обязательств и продолжений!

– Ну, хотя бы пока ты здесь... Кстати, «пока» – это сколько?

– Четыре дня. А потом – в Тай! – Ее улыбка делается мечтательной. – Только теплое море и я!

Четыре дня – это много или мало? Так сразу и не скажешь, но когда мой взгляд останавливается на приподнятых уголках ее губ, мне начинает казаться, что слишком мало. Ничто практически.

– Ну хотя бы четыре дня. Это же не считается продолжением, да?

Она снова щелкает меня по носу.

– Чистер! Ладно, так и быть, не считается. Я позвоню тебе.

Рита поднимается на ноги и берет свою сумку.

– Все. Побежала.

– Подожди! Я с тобой! Я быстро!

– Зачем?

– Ну... провожу. Сумку помогу донести.

– А тебя не потеряют?

– Не-а. Я никому не сказал, что лечу. Сюрприз будет!

Она, похоже, хочет что-то сказать, но меняет решение и только молча смотрит, как я одеваюсь. С моей практикой и сноровкой это отнимает меньше минуты. Взгляд Риты делается задумчивым.

– М-да... Интересный вы народ, уфологи!

* * *

Такси останавливается около обшарпанного двухэтажного барака. Прощаемся целомудренно – поцелуй в щеку на заднем сиденье.

– Сумку помочь внести в дом? – спрашиваю я для порядка.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Ты можешь представить меня как своего пажа.

Рита хихикает.

– Не очень-то ты похож на пажа, уфолог! Скорее, на телохранителя. Езжай уж – с сумкой я как-нибудь сама справлюсь.

Она уходит, а я откидываюсь на спинку сиденья такси, пытаюсь сообразить, что делать дальше.

– Куда едем? – спрашивает водитель.

Чтоб я знал! В родительский дом не тянет от слова «совсем». Разве что маму вызвонить и встретиться где-то на нейтральной территории... Что-то решать прямо сейчас не хочется.

– Никуда, – отвечаю. – Прогуляюсь, пожалуй.

– У вас сумка.

– Не беда – она не тяжелая.

– Как знаете.

Итак, тайм-аут для размышлений у меня есть. Проводив взглядом такси, я закидываю свой баул на плечо и только собираюсь выполнить маневр «идти куда глаза глядят», как тишину спального района скальпелем взрезает пронзительный женский крик.

Глава 4. Виктор

Иркутская область. Лесногорск. Десятый год метеоритного дождя

– Это то, что я думаю? – восхищенно проговорил Луи.

– Если ты думаешь о Логове моего отца, то да, – улыбнулся я.

– Вик, я, конечно, знал, что отец у тебя крутой, но чтоб настолько... – Луи развел руками, что у него являлось символом непостижимости.

Папа молодец – кто ж спорит. А я тут так, сбоку – стригу купоны популярности с его денежного дерева. И хорошо, и не очень. Чтобы меня перестали воспринимать только как сына Петра Подгурского и брата Павла Подгурского, надо очень постараться. Видимо, я пока стараюсь недостаточно.

– И надолго нам это счастье? – поинтересовалась Кейт.

– Игра продлится три дня – пятница, суббота и воскресенье. В замке никого, кроме нас, мастера, игротехов и охраны.

– Красота! – восхитился Доминик.

– Аусвайсы у всех при себе?

Вся команда дружно продемонстрировала заламинированные бумажки, где было написано, кто они, откуда и куда, в случае чего, отвезти их кости, чтобы предать земле. Шутки шутками, а на играх бывает. Очень редко, к счастью. Я за десятилетнюю карьеру ролевика один раз с таким столкнулся. Больше не хочу.

Территория вокруг замка была окружена высоким кованым забором, который, пожалуй, единственный несколько выпадал из почти совершенной средневековой стилизации всего остального. Когда микроавтобус подъехал к ограде, я высунулся из окна и нажал кнопку на брелоке – ворота плавно раскрылись. Машина въехала внутрь, и кованые створки столь же плавно сомкнулись за ней.

Охрана нас не встретила, что меня слегка удивило. Но я подумал, что Паша с ними договорился на предмет не путаться под ногами у игроков. А что, вполне возможно.

Машину решили оставить прямо здесь, рядом с воротами – гараж в этом архитектурном чуде планировался подземный, дабы не портить вид, и был еще в процессе стройки. Не все сразу.

Итак, наша команда из четырнадцати человек с сумками наперевес, обмениваясь шутками и предвкушающими улыбками, пересекла подъемный мост и подошла к воротам в замок. Я незаметно достал из кармана ключ-карту и поднес ее к считывателю, хитро запрятанному за декоративным каменным выступом справа от ворот.

– Именем Камня, откройся!

Грешен – люблю дешевые эффекты. Мощные створки трехметровой высоты медленно и почти бесшумно открылись внутрь.

Нас ждали. Высокая фигура в длинном, до земли, плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо, застыла посреди замкового двора, выложенного крупным булыжником. Монах. Он же мастер. Он же – мой брат Пашка. Колоритно выглядел, нечего сказать! Впрочем, такой костюм состряпать проще всего, не то что у нас. Да и роль у него маленькая, почти эпизодическая. Оно и правильно – мастеру отвлекаться не резон, чтобы организационные дела не пострадали.

– Добро пожаловать в Полночный замок! – глухо проговорил он. – Игра начнется через два часа. Загруз⁸ будет недолгим, не беспокойтесь. У вас хватит времени переодеться и немного отдохнуть с дороги. Итак, игровая территория – весь замок, кроме подземелий: условие вла-

⁸ Загруз – в ролевых играх вводная информация для игроков.

дельца. Боевка присутствует, будут применяться довольно эффектные спеллы⁹, имейте в виду. Базовый сюжет: трое принцев со свитой, их сестра и хранительница Кейт возвращаются из зимнего замка в летний, а в нем произошла трагедия – король Малькольм погиб, и Нереальное вышло из-под контроля. Также пропали Корона и Печать, без которых, как известно, ни один из претендентов не может занять трон. О начале игры мы известим вас одиночным ударом колокола. – Монах кивнул в сторону небольшого и довольно изящного готического храма, расположившегося во дворе возле одной из башен. – После этого все игроки должны будут собраться в холле второго этажа донжона (мы через него пройдем), и я отведу вас в библиотеку, где вы узнаете всю информацию о положении в замке и о бесчинствах Нереального.

– Монах вообще-то злодей! – подала голос Кейт.

– Но тут его образ будет несколько отличаться от канона. – По голосу из-под капюшона было件нятно, что Пашка улыбается, что меня в очередной раз неприятно укололо. – А теперь прошу следовать за мной. Я проведу вас к комнатам отдыха, где вы сможете переодеться и немного перекусить с дороги. Там же каждому из вас будет выдана распечатка вашей роли.

Дверь в главную башню выглядела столь же солидно, как и замковые ворота. Разве что размером поменьше. Открывала ее та же ключ-карта. Она, кажется, «вездеход». Может, разве что в отцовские подземелья по ней не попадешь. Внутри царил зловещий полумрак, чуть-чуть рассеиваемый стилизованными под факелы светильниками. Монах решительно шагнул внутрь, и мы потянулись следом. Можно сколько угодно считать меня мажором, но они здесь только благодаря мне. Тут моя территория, по идее, хоть я ее таковой пока не очень-то ощущал, а значит, мой статус повышается. Светильники загорались автоматически, когда мы проходили мимо. «Умный дом» – это, конечно, круто, но я поймал себя на мысли, что не знаю, как сделать освещение ярче. Какое-то время тишина замка нарушалась лишь звуком наших шагов да тихими «Круто!» и «Жееесть!».

В самой середине донжона располагался здоровенный холл, из которого наверх вели две винтовые лестницы. Окна в холле отсутствовали, но большая бронзовая люстра давала достаточно света, чтобы рассмотреть весьма впечатляющий интерьер. И мебель была подобрана в нужном стиле – достаточно искусный новодел, но под средневековые. Зеркала и картины в массивных рамах тоже работали на создание нужной атмосферы. Отец словно специально подбирал обстановку под Полуночный замок, хотя вряд ли он читал Грина: Подгурский-старший ко всей фантастике относился с предубеждением.

Тут игроки разбрелись, осматривая холл. Какое-то время Монах, застывший изваянием у основания правой винтовой лестницы, терпеливо ждал, а затем, как бы между прочим, бросил:

– Советую держаться подальше от зеркал. Нереальное их последнее время часто использует для прорывов в наш мир.

Народ заушмылялся – шутку оценили по достоинству, однако намек поняли и двинулись следом за Монахом наверх по винтовой лестнице.

Луи шел вторым, прямо передо мной, и поэтому, когда он внезапно остановился, я едва в него не врезался. Взгляд его был направлен мне за спину, в холл. Я резко обернулся и успел увидеть черную человекоподобную тень, шагнувшую в зеркало. Челюсть я не уронил только благодаря богатой ролевой практике.

Остальные тоже обернулись, но опоздали – в холле было уже пусто.

– Что там было? – спросила Кейт.

– Так, невинная шутка Нереального, – улыбнулся я.

Все тоже поулыбались, а Луи ткнул меня кулаком в бок и показал большой палец – дескать, оценил спецэффект. Я подмигнул в ответ, хотя чувствовал себя немного не в своей тарелке: спецэффекты мы с братом планировали совместно, и ничего подобного я не помнил.

⁹ Спелл – буквально от английского spell – магическое заклинание. В игре – спецэффекты, имитирующие магию.

Хотя Пашка не просто так заработал свою репутацию отменного мастера – с него станется устроить сюрприз даже мне. Конечно, это он сделал, а кто же еще? Надо будет потом спросить как.

Мой взгляд уперся в спину Монаха, облаченного в свой плащ, будто в непробиваемую броню. Я всегда знал, что братец крут, но тут он превзошел самого себя. На мгновение мне показалось, что впереди из стены высунулась чья-то голова. Серая, почти прозрачная и совершенно без черт лица. Высунулась и пропала, стоило мне моргнуть. Спецэффекты? Или уже галлюцинации от нервов? Хотя нервам-то откуда взяться? Никогда не мандражил перед играми. А тут впереди лучшая игра в моей жизни, и мой брат – мастер. Мы ребята тертые, игроки опытные, и если Нереальное захочет с нами пошутить, флаг в руки – мы тоже шутить умеем.

Интерлюдия 2. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)

15 июля. Новосибирск

Энергетическая форма – очень интересная штука. Только научившись переходить в нее, я обнаружил, насколько же нас сковывает материальная оболочка. Это стоило мне немалого труда, но я научился переходу. Правда, пока не выдерживаю в ней дольше получаса – энергия растрачивается, и приходится снова возвращаться в тело. Впрочем, думаю, все это от неопытности. Со временем я научусь пополнять энергию из окружающего пространства. Пока с этим проблемы. Более того, возвращаясь в тело, я чувствую себя отвратительно – полное энергетическое истощение, помноженное на физическую слабость. В результате приходится... Нет, я не горжусь этим, конечно, но чего не сделаешь ради знания? Способности пьющих жизнь – пожалуй, одно из самых ценных приобретений недавнего времени. Правда, я действую не так, как эти Измененные. Они просто осушают объект полностью, после чего он умирает. Я же научился подпитываться понемногу от большого количества людей. Идеальный вариант – супермаркет. Заходишь туда, пройдешься немного по рядам – и уже все в порядке, как бы плохо тебе ни было до этого. А люди, если их там много, даже не почувствуют особого ухудшения самочувствия. Я называю это режимом щадящего донорства. Поэтому переход в энергетическую форму практику пока только неподалеку от подобных мест.

Однако вернемся к преимуществам энергетической формы. Восприимчивость к энергетическим колебаниям увеличивается в разы, а следовательно, способности в этой области тоже усиливаются. Поиск чего-то живого, излучающего энергию, как жизненную, так и ментальную, упрощается. Чем больше суммарная энергия, тем лучше. Ментальные волны – еще более характерный маркер поиска. То есть разумных существ (Измененных и людей) мне искать проще, чем, например, животных. Кстати, в плане последнего тоже был положительный опыт. В Новосибирске мне пришлось задержаться. Дал объявление об экстрасенсорных практиках. Народ в Сибири непуганый. У европейцев-то постоянно страшные примеры перед глазами: Печорская Зона, Владимирская... Там в каждом обладателе паранормальных способностей привыкли видеть чуть ли не террориста НМП. А тут спокойнее – почти все успели уже забыть про Краснотаинск и не шарахаются от экстрасенсов...

Впрочем, я отвлекся. Итак, в объявлении я сделал упор на поисковые дела. Хотел совместить полезное с полезным – тренировка в данном направлении мне точно не повредит: о своей главной цели я не забываю. Так вот, пару раз успешно нашел пропавших животных (кошку и собаку), используя энергетическую форму. Кстати (и это важно), в энергетической форме я невидим. Для людей. По крайней мере обычных. Но что интересно – животные меня чувствуют. Собакой, когда я ее нашел, была настоящая истерика. Кошка реагировала спокойнее.

Но это все лирика, а физика вот в чем: я намерен использовать энергетическую форму для поиска Источника в предпробужденном состоянии. Я примерно представляю, какого рода сигналы он должен испускать. Эти наверняка будут довольно слабыми, но я возлагаю большие надежды на свою особую чувствительность вне материальной оболочки. Уверен, шансы есть, и неплохие. Правда, Источники все же не на каждом углу валяются, а на большом расстоянии, боюсь, мой метод поиска может и не сработать. Надо двигаться, переезжать с места на место, чтобы охватывать поиском как можно большую территорию.

И еще. Я тут несколькими заказами заработал неплохие деньги. Сибиряки, может, и непуганые, но АПБР – оно и в Сибири АПБР. Подозреваю, что за экстрасенсами эта организация худо-бедно бдит. А их внимание мне совершенно ни к чему. Выходит, спасибо Новосибирску, но пришла пора его покинуть. И лучше поскорее.

Глава 5. Художник

Иркутск. Десятый год метеоритного дождя

Дурацкая привычка – хвататься за карман, когда в нем нет пистолета. Вот хотел я избавиться от всех этих опасных для жизни приключений, но они меня будто преследуют, и без оружия теперь чувствую себя просто голым.

Впрочем, в дом я все равно кидаюсь – там же Рита, а я и без пистолета кое-чего стою. Сумку не бросаю – хоть она и не шибко тяжелая, но при необходимости охлобучить ею кого-нибудь или выбить оружие очень даже можно.

Крик доносится снова, уже приглушенный. Со второго этажа. Я взлетаю туда по немилосердно скрипящим ступеням – тут уж не до тишины. Если на Риту кто-то напал – черт с ним, пусть знает, что я приближаюсь. Может, это хоть отвлечет его...

Может... Что-то мне плоховато – тошнота, слабость. Что вообще происходит?! Три двери на площадке. Та, что справа, чуть приоткрыта... Мне сюда. Распахиваю дверь и шагаю внутрь... Меня качает, задеваю боком угол какой-то мебели у стены. Хорошо так задеваю, аж ребра занули. В прихожей никого, только... Что за?.. Справа дверь, похоже, в ванную, судя по кафельному полу. Оттуда торчат чьи-то ноги. Мужские и совершенно неподвижные. Труп? Не исключено, хотя крови не видно. Но мне сейчас не до него – Рита. Где Рита?!

Шум доносится из-за двери слева. С первым порывом – рвануть туда очертя голову – я справляюсь, потому что... слабость, чертова слабость! А я ведь не болен, еще на улице со мной все было нормально. Это значит, что причина моей немочи здесь, в квартире! Как бы хотелось сказать, что это невозможно и все осталось там, во Владимирской Зоне! Но возможно ведь, черт подери! Потому что этим отморожкам Новым из НМП границы Зоны – не указ: они куда угодно доберутся. А то, что со мной творится, очень похоже на воздействие пьющего жизнь. Если кто-то из них здесь, у Риты совсем мало времени, а у меня только один шанс – спрятанный в сумке маленький пульверизатор со станом, прихваченный с собой на всякий случай. Правда, чтоб подействовало, распылить надо будет прямо в лицо с близкого расстояния. Удастся ли? К черту колебания – других вариантов все равно нет! Так, баллончик у меня в руках, а впереди – дверь на кухню. Открытая. Трупов не видно, но стоит стол, на нем доска для резки, половина палки колбасы и нож. Нож! Сантиметров тридцать, не меньше. Хорошее оружие. Все это проносится в моей голове уже на ходу, когда ноги, подгибающиеся от слабости, уже несут меня на кухню. Пальцы смыкаются на ручке ножа, и я с тревогой обнаруживаю, что они дрожат. Еще чуть-чуть – и я не боец. Но не важно – там Рита! Я бросаюсь в комнату. Скорее, пока не утих шум оттуда! Тишина будет означать смерть, я знаю.

Распахиваю дверь. Пара секунд мне требуется, чтобы окинуть комнату взглядом, и еще пара – чтобы осознать увиденное. На диване лежит труп. Женский. Дама в летах. Молодая девушка на полу у стола. Не Рита. Тоже мертва, без сомнения. Крови нет, но я слишком много видел мертвых, чтобы ошибиться в этом вопросе. А Рита сидит на полу, прислонившись к серванту. Живая, но бледная и, судя по всему, совершенно обессиленная, а над ней... Какой-то мужик склоняется, держит ее за руку и... Какого черта?! Шприц?! Ощущение, что происходит что-то непоправимое. Остановить его, любой ценой! Три шага или бросок ножа?

Я заносу руку, но опаздываю: он оборачивается. Лицо его страшно. Точнее, глаза: в них гнездится сама смерть. Я замираю, не в силах больше ничего сделать. Пальцы разжимаются. Сначала на пол падает баллончик, потом нож. Третьим тяжело оседаю я сам – ноги уже не держат. В ушах шумит. Я почти ничего не слышу. Читаю по его губам: «Потерпи – и твоя очередь придет!» Он снова оборачивается к ней, уверенный, что я нейтрализован.

А что, это не так? Взгляд мой находит нож. Он совсем рядом, но не ухватишь – сил нет даже руку протянуть. Жаль, что я не кинетик – не умею взглядом метать ножи... Баллон-

чик слева... Та же история. Да и бесполезен он на таком расстоянии. Что делает с Ритой этот Новый, черт возьми?! Какую дрянь вводит в вену? И зачем? Всех остальных в этой квартире он, похоже, просто *выпил*. А ее? А меня?

Всю свою внутреннюю силу я пробую сконцентрировать в одной правой руке и превратить в силу физическую. Ведь говорят же про спортсменов: «дошел на морально-волевых». А я чем хуже? Ну, морально-волевые, где вы?! С невероятным трудом я кое-как добираюсь до ножа. Пальцы смыкаются на рукояти, и тут я понимаю, что на бросок, тем более на сильный и точный, меня не хватит. Отвлечь! Пусть переключится на меня, и тогда... Но сначала – баллончик. Еще одним нечеловеческим усилием я подтягиваю к себе пульверизатор, скрываю его под левой рукой, а правой звякаю ножом об пол. Конкретно так звякаю, чтобы Измененный наверняка обратил внимание.

Обращает. Поворачивается, недовольный, словно на муху смотрит. Я уже не на морально-волевых, а на чистой ненависти пытаюсь встать и занести оружие для броска. Знаю, что ничего не получится, но все равно пытаюсь. В глазах Нового мелькает удивление и раздражение. Он подходит ко мне и наступает на запястье руки, в которой нож. Зубы мои стиснуты, поэтому из горла вырывается не крик, а рычание. Пальцы разжимаются, вновь выронив оружие.

– А ты упрямый, отживший! – цедит Измененный. – Заберу-ка я у тебя эту игрушку от греха подальше... – И наклоняется за ножом.

Если честно, я без понятия, как мне удалось накопить сил на это движение. Левая рука с пульверизатором выбрасывается вверх, и струя стана бьет в лицо Новому. Он испускает вопль, закрывает лицо руками и падает на колени. Высасывающее силы и жизнь давление исчезает, но *невывитого* во мне уже совсем мало. И все это я вкладываю в следующий удар – ножом в живот Новому. На меня плещет теплым, багряным. Даже на то, чтобы выдернуть оружие, я уже не способен. Только провернуть лезвие в ране и опрокинуться обратно, так и не расцепив судорожной хватки на рукоятке ножа. Умиравший Измененный падает сверху, заливая меня своей кровью. Он здоровый кабан, так просто не спихнешь, особенно в моем состоянии. Одна попытка убеждает меня, что дело безнадежно.

Темнота беспамятства совсем близко – такие сверхусилия даром для организма не проходят. Я удерживаюсь на грани еле-еле. Один шаг – и... Я не хочу туда! Шорох сбоку. Слегка поворачиваю голову. Рита. Жива! Вспышка радости яркая, но короткая: она еле двигается и... что там с ней на самом деле?

– Не могу... его спихнуть, – извиняется Рита задыхающимся голосом. – Сил нет, а он... слишком тяжелый.

– Не важно... оставь... – отвечаю тоже с трудом. – Что он... с тобой сделал? Что ввел? Рита отводит глаза, и ее ответ становится ясен еще до того, как она его озвучивает.

– Кровь... Свою кровь...

Нет! Я чуть не гложу от барабанной дробы колотящейся в висках крови. Только не это! Видимо, мое лицо очень красноречиво, потому что в глазах Риты вспыхивает ужас:

– Я что, теперь как он стану, да?

Не станешь, если я смогу... успею. Есть спасение, только мне до него не добраться.

– Рита, пожалуйста, открой мою сумку. Там среди одежды есть небольшая черная корбочка. В ней шприц и две ампулы. Это антинова. Ты должна ввести ее себе. Тогда...

– Нет!

Она отдергивается с таким страхом, словно я предложил ей выпить яду.

– Ты не понимаешь, это вакцина. Она тебе поможет...

– Вакцина? Откуда она у тебя?

– Нам по работе положено. Мы...

– Я... уже не знаю, чему верить, Артем... Почему-то кажется мне, что ты никакой не уфолог.

– Рита, послушай...

– Прости, не могу... Я ухожу... Вызову тебе «Скорую».

Она с трудом поднимается на ноги и, придерживаясь за стены и мебель, плетется к выходу.

– Рита, стой! Не надо! Это еще можно остановить... РИТА!

Но она уже скрылась в коридоре. А меня накрывает острым приступом отчаяния. Почему-то одна мысль, что она станет... такой, вызывает желание завывать. Ну же, есть еще шанс! Надо только спихнуть этого урода, добраться до вакцины, догнать Риту и ввести ей... Я предпринимаю отчаянное усилие, чтобы выбраться из-под туши Измененного, но для моего бедного организма это уже слишком. Он говорит «Крак!» и выключает мне свет.

Глава 6. Виктор

Иркутская область. Лесногорск. Десятый год метеоритного дождя

Когда прозвонил колокол, все были уже готовы и сразу вышли в холл второго этажа. Я впервые увидел всех в игровом облачении и был впечатлен. Для игры ребята не пожалели ни денег, ни времени. И не зря. Народ оторвался в меру своей фантазии, но не выходя за рамки образа. Луи в черном бархате; Доминик – в чем-то роскошном синего цвета; я – в попугаистом стиле Виктора; суровый солдат Гэвейн со своей деревянной секирой, столь искусно выкрашенной и настолько похожей на настоящую, что можно и спутать; убеленный сединами аристократ Родрик; полный сдержанного достоинства регент Вильям... Но всех, конечно, затмили наши дамы – как всегда очаровательная и стильная Габриэла, выглядевшая под стать своему «супругу» Вильяму – богато, но неброско, яркая в своем шикарном и пышном наряде «спутница» Доминика Элизабет, ни в чем ей не уступающая моя (то есть Виктора) «жена» Хетер и, разумеется, Кейт – миниатюрная нестигаемая хранительница в изящном, но не стесняющем движений облачении. Мужчины – при мечях, женщины – при своей красоте. И молчаливая грозная фигура Монаха, застывшая посреди холла.

– Если все готовы, прошу следовать за мной наверх, в библиотеку. Там я расскажу, что произошло в замке за время вашего отсутствия. Прошу быть очень внимательными и осторожными: с тех пор как Нереальное вышло из-под контроля, в замке происходит много всего странного. Так что вам, хранительница Кейт, придется многое узнать – у вас прибавится работы.

– Я бы предпочла работать с проверенными людьми. Где мой помощник?

– Дамон Корд погиб вчера в схватке с тварями Нереального.

Кейт нахмурилась:

– Это скорбная весть и большая потеря. Вам придется все мне рассказать.

– Мой рассказ должны услышать все. В библиотеке это будет сделать проще всего.

Мы последовали за Монахом по лестнице на третий этаж. Я на сей раз шел вторым и еще раз отметил про себя реалистичность антуража – даже «факелы» на стенах мерцали так, словно плясало настоящее пламя. Впереди снова мелькнула тень. Сначала я не отреагировал – посчитал это отсветом «факелов», но когда то же самое произошло второй раз и более явственно, невольно замедлил шаг.

– Что, Виктор, испугался Нереального? – язвительно осведомился шедший за мной Луи.

– Разумная осторожность – не признак трусости, Луи, – парировал я. – Впрочем, если тебе не терпится отправиться следом за отцом, возражать не стану – ступай вперед. Одним претендентом на трон меньше будет.

– Размечтался, братец! Помнишь слова присяги на верность будущему правителю Редгарта? Подучи – скоро они тебе понадобятся, когда я взойду на трон.

– Так забавно вас слушать! – язвительно прокомментировал Доминик. – Можно подумать, у кого-то из вас хватит ума отыскать Корону и Печать. Привыкайте к мысли, что править будет младший брат!

– Вам не кажется, ваши высочества, что время для тронных междоусобиц сейчас не самое подходящее? – вмешалась Кейт. – У нас общий враг – Нереальное, и он представляет собой немалую угрозу.

Луи поморщился:

– Время определиться с новым королем! Коронованный правитель обретет власть над Камнем и перекроет Нереальному путь в наш мир.

– Со всем уважением, ваше высочество, мне это известно не хуже, чем вам. Но если вы станете мешать друг другу в поисках Короны и Печати, выиграет от этого только наш враг.

– Будет лучше, хранильница, – голос Доминика был полон яда, – если вы станете заниматься Нереальным, а дела тронные предоставите королевской семье.

– Будет лучше, Дом, – в тон ему произнесла Габриэла, – если мы перестанем препираться и дойдем наконец до библиотеки. Похоже, есть много того, что нам следует знать.

– Ее высочество права. – Монах, как всегда, вставлял свое веское слово в самый подходящий момент. – Нам стоит поторопиться. Нереальное с каждым часом набирает силу.

Последние слова решили дело, и вся команда продолжила путь вверх. Больше никаких теней не появлялось. Но меня не оставляло ощущение, что за нами наблюдают. Впрочем, не исключено, что так и было: замок наверняка утыкан скрытыми камерами, через которые охрана наблюдает за гостями, сама не показываясь на глаза. Эта мысль успокоила меня практически мгновенно. Я даже хихикнул мысленно над своими глупыми страхами. Ну кто там может мелькать на стене? Разумеется, тварь Нереального, кто ж еще?!

А вот и шестой этаж. Весь центр его занимала огромная библиотека, превращенная многочисленными книжными стеллажами в настоящий лабиринт. Ее крест-накрест пересекали два прохода, по концам которых на стенах висели ростовые зеркала в вычурных рамах. Отец читать любит, читает много и не только спецлитературу, нужную ему для дела. Так что книги вовсе не были чисто интерьерным элементом хотя бы потому, что подборка, даже в первом приближении, не соответствовала образу замка и фантастики практически не содержала. Однако я в прошлый визит подсуелся и, на правах игротеха, специально расставил по стеллажам несколько книг Саймона Грина с закладками-подсказками. Но в основном полки ломились от исторической литературы, классики, современной прозы, детективов, публицистики. На пересечении коридоров образовалась небольшая свободная территория, на которой сейчас стоял длинный стол, а вокруг него – обитые бархатом стулья, на которых все и расположились, не ожидая дополнительного приглашения. Монах занял место во главе стола, Кейт – напротив него, остальные – по бокам. Мы с Хетер – по его правую руку, Вильям с Габриэлой – по левую.

– Итак, – начал Монах, – Нереальное начало захват замка с подземелий. Их мы потеряли полностью. Все там укрыто непроницаемой зеленой пеленой, из которой время от времени появляются опасные призраки и утаскивают кого-то вниз. Больше тех людей мы живыми не видели. Иногда Нереальное предпринимает попытки вторжения и в другие комнаты замка. В основном – через зеркала. Пробовали завешивать их плотной тканью – не помогло. Даже хуже стало: так мы хоть видим, когда зеркало затягивает зеленая пелена, и реагируем, а под прикрытием ткани твари Нереального прорываются в наш мир внезапно. Во время одного из таких вторжений и погиб Дамон Корд.

Тут Элизабет вдруг вскрикнула и вскочила со своего места: одно из зеркал наполнила густая мгла болотного цвета, а затем там возник флуоресцирующий контур чудовища, напоминавшего Лернейскую Гидру. Этот спецэффект мы готовили вместе с братом, и я скрыл самодовольную улыбку. Все вскочили с мест, но первыми отреагировали Монах и Кейт. Они встали плечом к плечу. Хранильница – со своим жезлом, а чародей просто поднял совершенно пустые рукава своего плаща. Тут же библиотеку озарила яркая вспышка, и тварь исчезла, а зеленая мгла рассеялась.

– Вот вам и иллюстрация того, о чем я только что говорил. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – прокомментировал Монах. – Поэтому...

Новый испуганный женский возглас перебил его. На сей раз вскрикнула Хетер, и все начали удивленно озирались: вроде больше ничего сверхъестественного в комнате не происходило. Но Хетер смотрела на Монаха и только на него, а в глазах ее светился сильный испуг. Настолько натуральный, что я внутренне восхитился актерским талантом и импровизацией своей игровой жены: фишка явно была придумана только что.

– В чем дело, дорогая? – спросил я и попытался взять ее за руку, но она отшатнулась.

– Вы что, не видите?! – Голос Хетер звенел и дрожал. – Это не Монах!

– Ну конечно же, Монах, – возразил я. – Что ты такое говоришь?

Народ начал переглядываться, глаза у всех загорелись. Началось! Это была уже интересная движуха. И только молчаливая фигура в плаще не двигалась, и пустота под капюшоном смотрела на Хетер. А та вдруг начала пятиться, с каждым шагом все больше бледнея.

«Сильна, однако! – с завистью подумал я. – Мне так никогда не сыграть!» И попытался остановить свою «жену».

– Хетер, милая! Все в порядке...

– Ничего не в порядке! – чуть не взвизгнула Хетер, уже почти подбегая к винтовой лестнице, и в глазах ее металась паника. – Он не Монах! Он не тот, за кого себя выдает! И вообще не человек!

Все следовали за ней на расстоянии, крайне заинтригованные ее реакцией. Не двигался только Монах, и эта его неподвижность чем-то меня смутила. На такое надо бы как-то реагировать, не портить игру. Я перехватил и брошенный на Монаха слегка удивленный взгляд Кейт. Первым нашелся с ответом Луи:

– Ну конечно, не человек! Ты же помнишь, Монах лишился плоти в результате магического эксперимента, и теперь только сильные чары удерживают его в нашем мире. Зато он лучше других разбирается в Нереальном и может нам помочь.

– Дураки! Это вам не игра! Он вправду...

Я нахмурился. Это было уже плохо. В игре упоминать игру – табу. Что-то Хетер слишком разнервничалась...

Но пока я соображал, что это все может значить, Хетер, подобрав свои пышные юбки, ступила на лестницу, собираясь пробежать вниз, но, бросив туда взгляд, снова вскрикнула и понеслась вверх. Там была только наружная кольцевая обзорная галерея, то есть тупик, чего Хетер, конечно, знать не могла. Мы побежали за ней, наперебой выкрикивая ее имя.

Кольцевая галерея встретила нас сильным и довольно холодным ветром. Он едва не откинул капюшон Монаха, но тот поспешным движением поймал его и натянул сильнее. Странно – Монах вроде не бежал с нами, а так и стоял посередине библиотеки, когда у Хетер начался этот срыв. Впрочем, когда мы бросились за ней, смотреть по сторонам нам было недосуг. А сейчас она, увидев Монаха, отпрянула к самому парапету, и в глазах ее появилось отчаянное выражение загнанного волками оленя. Только тут у меня зародилось подозрение, что с ней что-то не в порядке. Хетер была хорошим игроком, но не настолько же! Тут уже была актерская игра на уровне суперзвезд кино... или не игра вовсе.

С галереи открывался умопомрачительный вид на Лосиху, поросшие лесом холмы, водопад, средневековый квартал, сам замок. Но сейчас никто не смотрел вниз – все взгляды были прикованы к Хетер, совершенно бледной и явно перепуганной насмерть. Вот только, похоже, все были уверены, что она играет. Все, кроме меня... и Монаха, который не сводил с нее пристального взгляда. Вернее, я так думал, что не сводил – капюшон скрывал его лицо, и с тем же успехом он мог задумчиво смотреть на закатный пейзаж за ее спиной и думать о вечном, но мне почему-то так не казалось.

– Хетер! – выкрикнул я, все еще стараясь держаться в рамках игрового образа. – Успокойся, милая! Здесь все свои.

На мгновение она перевела взгляд на меня и глухо проговорила:

– Ты ошибаешься!

И прежде чем кто-нибудь успел хоть что-то сказать или сделать, перевалилась через парапет и рухнула в полную завывающего ветра тридцатиметровую пропасть.

Лезвием гильотины рухнула тишина. Шок, охвативший нас, просто убил все звуки. Игра, едва начавшись, перестала быть игрой и забрала жизнь Хетер. Безмолвие и неподвижность а-ля восковые фигуры уже готовы были смениться криками и паникой, когда от винтовой лестницы раздался знакомый зычный голос:

– А, вот вы где, детки? Все, хватит играть, идите за мной!

Мы обернулись. У лестницы стояли трое, и тот, что впереди...

– Папа?! – воскликнул я удивленно. – Что ты здесь делаешь?

Тут все разом зашумели, начали размахивать руками, пытались что-то объяснить, кто-то бросился к перилам, женщины сорвались на рыдания, но все остановил грозный окрик отца:

– Молчать! Смотреть на меня и слушать мой голос!

Резкая команда подействовала как хлыст надсмотрщика на рабов. Никто из нас даже не подумал послушаться, и все снова повернулись к отцу. Только что бушевавшие во мне отрицательные эмоции словно смыло сильной струей воды. Все – игра, товарищи и даже гибель Хетер разом стали казаться чем-то мелким и не заслуживающим внимания. Все, кроме голоса отца.

– Слушайте. Меня. Идите. За. Мной.

Я улыбнулся. Мне стало спокойно-спокойно. Чувство такого комфорта и безопасности я испытывал, пожалуй, только в раннем детстве. То, чего хотел отец, показалось единственно правильным. Идти за тобой? Ну конечно, папа. Как скажешь.

Интерлюдия 3. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)

20 ноября. Кемерово

Меня мучает совесть. Я не хотел этого, правда. Просто так получилось неудачно. Моя ошибка. Не рассчитал. Кстати, я анализировал собственные эмоции после произошедшего. Мне показалось, что я слишком спокойно все воспринял. Это могло бы означать *изменение* сознания, то есть то самое, чего я всеми силами хотел бы избежать. Остаться человеком для меня – не самоцель. Тем более что это, строго говоря, утопия. Я уже не человек в общепринятом понимании слова. Я уже нечто большее – как биологически, так и ментально. Речь, скорее, идет о человечности как о моральной категории. Может показаться странным, что меня, человека с научным складом ума, волнуют подобные вещи. Но, представьте, волнуют. Я продолжаю цепляться за свои принципы, чувства, которые не дают мне превратиться в биоробота или, в перспективе, в чистый разум. Мне кажется, случись со мной подобное – и для меня такое чувство, как радость от жизни, исчезнет в принципе. Я не хочу этого. Потому меня так и пугают недостаточно сильные эмоции по поводу произошедшего сегодня. Хотя они есть, и это обнадеживает.

Итак, я затеял очередной поисковый эксперимент. Параллельно собирался побить рекорд длительности пребывания в энергетической форме. Последнее удалось. Собственно, это и стало причиной случившегося. Я увлекся. Мне все лучше удается подпитываться энергией из окружающего пространства. В энергетической форме особенно. Это позволяет мне находиться вне тела уже довольно длительный промежуток времени. Сегодня я достиг уровня в полтора часа. Сам этот факт заставил бы меня прыгать от радости, если бы... Впрочем, обо всем по порядку.

Мне казалось, я взял время с запасом. Раньше надо было, конечно, взяться, но бывает такое – какие-то незначительные подготовительные мелочи съели минуты одну за другой, и время, которого должно было хватить на все про все, как-то неожиданно закончилось. Думаю, это всем знакомо. Провозился я и пришел к этому супермаркету всего за час до закрытия. А думал, кстати, что за два. Не учел, что день сокращенный. Ну и недооценил свои возможности. В прошлый раз я пребывал в энергетической форме всего 55 минут. Кто же знал, что я сумею настолько превзойти это достижение?

Естественно, я не просто зависал таким призраком и смотрел на часы. Ставил эксперименты, раскрывал новые возможности энергетической формы, а кроме того, вел поиск. Пытался уловить слабые энергоинформационные колебания, которые может испускать Источник в состоянии предпробуждения. И в этом плане я тоже добился определенного прогресса. Но сначала научился создавать фантомы. Конечно, не такие полновесные псевдоматериальные образования, которые порождают Источники, а некие призраки, почти невидимые, однако способные к ограниченной самостоятельной деятельности. Правда, я еще не научился ими управлять. Они просто уходят от меня в даль светлую, после чего исчезают. И что важно, почти сразу переходят на самоподпитку – то, чего так долго не удавалось сделать мне. Самоподпитка – это спасение, особенно учитывая мой вечный дефицит энергии. Создание и поддержание фантомов мигом высушивало бы меня практически полностью, если бы не она.

Кстати, о фантомах. Зачем они нужны? Полагаю, в перспективе они могут стать супер-эффективным и универсальным инструментом, при помощи которого можно делать почти все. Проще говоря, удобные исполнители: надо – создал их, отпала необходимость – развеял. Возможности невероятные! Дело только за тем, чтобы научиться ими управлять и усовершенствовать самих фантомов, а то пока они могут лишь напугать кого-нибудь, мелькнув тенью по стене

при ярком освещении. Одно из направлений их развития – возможность наблюдать за происходящим при помощи их органов чувств. Это реально, я уверен. Надо только поинтенсивнее над этим работать.

Но фантомы – это еще не все мои достижения. Сегодня я уловил смутные отголоски того, что вполне может быть сигналами Источника! Да-да! И уловил почти на флажке по времени. Пожалуй, именно это настолько увлекло меня, что я, во-первых, увлекся и забыл о времени, а во-вторых, интуитивно, почти на автопилоте, нашел способ увеличить интенсивность поглощения энергии из окружающего пространства. Возможно, раньше я просто слишком концентрировался на самом этом процессе и зажимался, накручивая себя мыслями о важности данного фактора. А сейчас я просто делал то, что хотел делать, а мой организм, то есть его энергетический аналог, включил свои инстинкты выживания, и они неплохо заработали.

Еще немного об энергии. Наиболее эффективна для подпитки (помимо жизненной) энергия света и тепла. Кстати, только сейчас подумал, что в старых историях и фильмах о привидениях была немалая доля правды, а именно – холод, сопровождающий появление духов, и мерцание света. Интересно, они знали, или это просто совпадение? А если знали, то откуда? Кто приоткрыл для них эту дверь, а главное – зачем? Ладно, это все лирика, вернемся к главному. В общем, учитывая вышесказанное, зимой и по ночам у энергетической формы возникают проблемы с подпиткой. Надо будет иметь это в виду и найти способ преодоления этих трудностей.

Итак, поиск. Слабые сигналы шли откуда-то с востока. И мне показалось, что расстояние до Источника очень велико. Возможно ли это? Могу ли я обнаружить сигналы, грубо говоря, из Иркутска или Хабаровска? Или мне из-за моей неопытности кажется, что Источник за тридевять земель, потому что сигнал слабый, а на самом деле он не так уж далеко? Проверить бы это, да как? Обшарить весь Кузбасс?

В общем, за всеми этими размышлениями сигнал я потерял. Пытался найти его вновь, но безуспешно. Может, у меня чувствительность уменьшилась при снижении энергетического тонуса, а может, объект просто излучать перестал. Так или иначе, моя увлеченность поиском сыграла со мной злую шутку: как-то незаметно и быстро подкралось энергетическое истощение. Лишь в последний момент успев нырнуть в свое материальное тело, я обнаружил, что, во-первых, совершенно выжат, а во-вторых, магазин уже закрылся, и народу вокруг никого. Я упал, потому что и физические, и жизненные силы были на исходе. Иначе говоря, я умирал. Ноябрь, холодно, и солнце уже село. В общем, я оказался в ситуации, о которой размышлял несколько минут назад. Холод и темнота – худшее сочетание условий для энергетически истощенного паранорма. Я еще жил только потому, что перерабатывал аварийные резервы своего тела, которые тоже подходили к концу. Жить мне оставалось, по ощущениям, от пятнадцати минут до получаса.

Я был в отчаянии настолько глубоко, что не мог даже более-менее связно соображать. Еще бы! Только что летать на крыльях эйфории, строить наполеоновские планы, представлять себя на следующей ступени эволюции – и вдруг такое фиаско! Тьма и небытие всего в полшаге от меня. Если б не мое отчаяние, я никогда бы не сделал того, что сделал. Будь я верующим, сказал бы, что этого человека послал мне Бог, у которого на меня еще есть планы.

Лет сорока, среднего роста, полноватый, в очках, он появился словно ниоткуда и склонился надо мной.

– Вам плохо?

– Да, – прохрипел я. – Помогите подняться, пожалуйста!

Он протянул мне руку, и я вцепился в нее. Дальше мой организм, который пытался выжить любой ценой, сделал все сам – я его уже не контролировал. Все шло на уровне инстинктов. Естественно, ни о каком режиме щадящего донорства не могло идти и речи: больше поблизости никого не было, и этот добрый самаритянин являлся единственным доступным мне источником энергии. Конечно, я его *выпил*. Досуха. Когда ко мне вернулся самоконтроль,

незнакомец был уже мертв. Что же до меня... Физически я чувствовал себя превосходно, а психологически... Да, ужас и чувство вины все же были. Теперь я точно вспомнил. То есть нормальная человеческая реакция, ведь так?

Глава 7. Художник

Иркутск. Десятый год метеоритного дождя

– Да говорю вам, это был Измененный! – в отчаянии повторяю я в очередной, какой уже по счету раз. – Чертов вампир! Он выпил жизнь из всех в этой квартире. Из меня бы выпил тоже. Мне пришлось его убить, понимаете?!

– Понимаем, – нарочито спокойно ответил рыжеволосый полицейский старлей. – Очень хорошо понимаем. Вы пытаетесь «косить», гражданин Калитвинцев. Сначала под невинную жертву, а потом под сумасшедшего. Но факты – вещь упрямая. Вас нашли в чужой квартире рядом с четырьмя мертвыми телами, трое из которых в ней проживали и умерли по неизвестным причинам. Четвертого, безоружного, заметьте, вы зарезали кухонным ножом.

Упертость полицейских уже бесит. Хотя, будь на их месте АПБР, мне бы, пожалуй, пришлось хуже. Не любят там нас, сталкеров. Даже бывших.

– Конечно, безоружного! – пытаюсь не сорваться я. – Зачем ему оружие, когда он сам себе...

– Да-да, конечно. Вампир, как вы сказали.

– Хотите сказать, вы в них не верите?

– Ну почему же? – подает голос сидящий слева от рыжего коренастый капитан. – Это объективная реальность. Новости смотрим – не в деревне ведь. Только в Иркутске ни разу со времен метеоритного дождя не появлялись Измененные. А только приехали вы – и один из них тут как тут! Любопытное совпадение, однако! Как таких называют? Пьющие жизнь, верно?

Я чуть не киваю, но спохватываюсь в последний момент. Косить так косить. Хотя в баллончике у меня стан, а в сумке – антинова. Если полицейские разберутся, что это, – у меня проблемы. Эти два вещества – сами по себе состав преступления. Не такой, конечно, как убийство, но тоже неслабый.

– Почем я знаю? – с усталым раздражением отвечаю я. – В этих тварях спецслужбы шарят. А по мне вампир – он вампир и есть. Только клыки не острые и не кровь пьет.

– Угу, вампир, – кивает рыжий. – Конечно. Есть анекдот старый: «Слышь, Вань, сосед-то наш вампиром оказался!» – «А как ты понял?» – «Да кол осиновый ему в сердце забил, а он и помер!» Так, что ли?

На меня накатывает апатия.

– Я смотрю, вы мне уже приговор вынесли. Конечно, это так удобно – повесить на только что прилетевшего издалека человека сразу столько трупов!

– Только не надо тут этого вашего киношно-уголовного жаргона! – хмурится старлей. – Никто на вас ничего не вешает. Вы сами с этим справляетесь. Только посмотрите, как все выглядит. Вы полезли в чужую квартиру. Зачем – толком объяснить не можете. Убиваете незнакомоего человека ножом. Убийства при этом не отрицаете, упираете на самооборону. Против безоружного, объявляя его Измененным. Очень удобно, знаете ли, учитывая, что у нас нет апэбээровского оборудования и проверить ваши слова мы не можем. Но факты против вас. А факты – упрямая вещь, – вновь вворачивает он под конец свою, очевидно, любимую присказку и, довольный, умолкает.

«Сами вы... упрямая вещь, – хочется сказать мне. – Тупая и упрямая. Предмет, а не человек». Но мысли эти я все же оставляю при себе. А говорю другое:

– А причины смерти хозяев квартиры вы установили? Зуб даю – никаких следов насилия! Их что, по-вашему, тоже я убил? И как, интересно? Магией, глазом дурным или духом нечистым? А может, меня Измененным объявите? Только это, простите, проверяется – нет во мне паранормальных способностей ни грамма. Как вы все эти казусы объяснять будете? Или пренебрежете как мелочью несущественной?

– Не пренебрежем. Все проверим и установим, даже не сомневайтесь, – вступает в разговор капитан. Взгляд у него острый и неприятный. Он куда умней и опасней рыжего. – Только и вам кое-что объяснить придется. Вы тут все на убитого киваете. Но ведь это в вашей руке был зажат аэрозоль с неустановленным веществом и в вашей сумке найдены шприц и ампула с еще одним неустановленным веществом. В вашей, а не в его. – Он эффектным жестом фокусника извлекает из ящика стола названные улики и ставит их передо мной. – Что скажете, гражданин Калитвинцев? Это не дух нечистый и не глаз дурной, а вполне материальные химические соединения. Интересно, если передать их АПБР, что они установят?

Вот тут они меня прижали. Плохо дело – отправят ведь и проверят. Стан и антинова – это, конечно, не кровь Измененных, но от пяти до десяти я за них схлопочу, не напрягаясь.

– Это не имеет отношения к убийству. – Знали бы они, чего стоит мне сохранить спокойное выражение лица! – У меня контракт с лабораторией. Я должен доставить эти вещества туда.

– Какая лаборатория? Где? – мигом реагирует старлей.

Качаю головой:

– Я давал подписку о неразглашении.

– Своим запирательством, Калитвинцев, вы сами наскребаете проблем себе на хребет.

Факты...

Он бы, наверное, снова напомнил мне про упрямую вещь, но его прерывают – заходит конвойный и, склонившись к уху капитана, что-то тихо ему говорит. Лицо того, доселе хмурое, сразу проясняется, но, похоже, для меня эта радость означает только новые проблемы. И точно – капитан с улыбкой обращается ко мне:

– Хорошие новости, гражданин Калитвинцев. Кое-какие из ваших слов мы сможем проверить прямо сейчас.

Он ждет моей реакции, но я не доставляю ему такого удовольствия и просто с каменным лицом жду продолжения.

– Вы говорили, что пошли в дом, а затем в квартиру на женский крик о помощи, так?

– Ну так.

– Стало быть, будете рады услышать, что эта женщина здесь. Возможно, вы говорите правду, а возможно, она – ваша сообщница. Есть и третий вариант – что ее показания вас похоронят. Ну как, вы готовы к очной ставке?

Ему таки удастся пробить мою броню. Я был уверен, что Рита ушла. Вернулась за мной? Или ее нашли?

Смятение в моих глазах капитан толкует правильно.

– Она лежала на лестнице без сознания, как и вы. Но в отличие от вас пришла в себя только что. Сейчас многое прояснится.

– К очной ставке я готов, – медленно произношу я. – Только никакая она не сообщница. Мы ничего не совершали. Точнее, она не совершала. А у меня была самооборона.

– Разумеется, Калитвинцев, – усмехается капитан. – Ваша версия нам известна. Молитесь теперь, чтобы она ее не разрушила.

Но я его не слышу: в голове моей бурлит какое-то адское варево из мыслей, вопросов, предположений и эмоций. Рита здесь! В каком она состоянии? Есть ли еще шанс остановить процесс вакциной?

Ее заводят в комнату, и я внутренне вздрагиваю: куда девалась веселая и смешливая девушка, покоровившая меня в самолете? Лицо ее – бледная застывшая маска, на которой живут только глаза. И в тех какое-то испуганное и затравленное выражение. Это, кстати, как раз обнадеживает: раз есть эмоции – значит еще не все потеряно. Дело за малым – выбраться отсюда. Нам обоим. Взгляд Риты падает на меня, и она вздрагивает. Очень заметно. Улыбка капитана становится шире – на сей раз он все понимает неправильно.

– Здравствуйте, гражданка Зорина. Присаживайтесь. Скажите, вам знаком этот гражданин?

Какое-то время Рита не реагирует, будто не слышит, и когда капитан готов уже повторить вопрос, глухо произносит:

– Да. Это Артем. Уфолог. Мы познакомились вчера в самолете.

Кажется, капитан рассчитывал на иной ответ, но вида он не подает.

– Вы приглашали его к себе домой?

– Нет.

Улыбка показывает, что этот ответ нравится капитану куда больше.

– Расскажите, что произошло в той квартире, рядом с которой мы вас нашли.

Рита впервые отводит от меня взгляд и фокусирует его на капитане.

– Меня зовут, – неожиданно роняет она.

– Простите, что?

– Меня зовут. Мне нужно идти.

– Кто зовет? Куда?

Капитан явно растерян. Про рыжего старлея и говорить нечего.

– Вы должны меня отпустить.

К растерянности капитана примешивается раздражение.

– Интересно! Должен? И почему же? Вы – свидетель убийства, между прочим!

– Я ничего не видела. Меня оглушили.

У капитана даже брови приподнимаются в удивлении и досаде. Такого он, похоже, не ожидал: никакого «прояснится» не получится. Самый плохой для него расклад. Для меня тоже не фонтан, хотя я-то как раз ожидал чего-то в этом роде: Рита хочет уйти, поскорее и любой ценой. Кто я ей? Случайный любовник и не более того. Почему ее вообще должна волновать моя участь? Особенно если процесс *изменения* уже идет полным ходом.

– Вы сами вышли из квартиры. Мы нашли вас на лестнице.

– Я ничего не помню с того момента, как зашла в квартиру. Очнулась – увидела все эти тела, испугалась и решила убежать. Выбралась на лестницу, а там снова отключилась. Вот и все. Отпустите меня – мне правда надо идти!

– Не так быстро. – Глаза капитана делаются совсем злыми, а старлей уже и не пытается встречать: видимо, чревато. – Вы-то что делали в этой квартире?

– У меня там живут... жили родственники. Родня по материнской линии. Я хотела их навестить. А тут... такое...

– Что же, это мы проверим. Тогда тем более непонятно, если родственники. Они в полицейском морге, а вы спешите куда-то, как на пожар. Вам что, совсем все равно?

– Вам не понять.

– Да, не понять, – капитан уже не особо дает себе труд скрывать свою неприязнь, – к счастью, наверное. Потому что человеческое во мне еще не атрофировалось.

Внутренне холодею. Интересно, сам-то полицейский хотя бы догадывается, как близко к истине сейчас попал своей фразой? Рите бы сейчас оскорбиться или хотя бы попытаться это симитировать, но ей, похоже, не до того. В ее глазах все больше напряжения, которое постепенно перерастает в настоятельную *потребность*. В юные годы приходилось мне шататься по трущобам Иркутска и встречать потерянные души – тех, кто сидел на тяжелых веществах. Тут что-то похожее. Но учитывая, какая именно кровь запущена в Ритины вены, капитан здорово рискует, задерживая ее. Предупредить его? Да уж, так он меня и послушал – они тут оба не разбежались мне верить. К тому же... Новая мысль слегка коробит своим цинизмом, но мне сейчас не до морали. Вопрос выживания. Моего собственного. Если ситуация станет развиваться по самому жесткому сценарию, у меня, возможно, появится шанс под шумок вырваться на свободу. Ага, шанс... По трупам? Скольких убьет Измененная, если ее не будут отпускать, а

процесс завершится? А все, что способно ее здесь остановить, кроме пули в голову, – те самые «неустановленные вещества», которые капитан выставил на стол. С усилием отвожу взгляд от ампулы с антиновой... Что же делать? Что?!

– Так я могу идти? – снова подает голос Рита.

Это все больше напоминает настойчивость требующего дозу наркомана. Только ей-то что надо? Она же отказалась от антиновы. Просто хочет уйти до того момента, когда ее сознание станет совсем нечеловеческим? Или тут что-то большее? Мое напряжение растет, и ситуация становится все более взрывоопасной.

Только полицейские этого не чувствуют.

– К сожалению, нет, – отвечает капитан, но в глазах его этого самого сожаления нет. Скорее, там злорадство. – Вы дважды теряли сознание. Необходимо, чтобы вас осмотрел врач. К тому же потеря памяти. Это может быть следствием шока. Так что придется вам пока задержаться. Сейчас я вызову специалиста, а вы пока постарайтесь все же вспомнить, что именно произошло в квартире.

– Мне *надо* идти!

– А куда, позвольте спросить? Куда вы так торопитесь?

– Это вас не касается!

Глаза капитана зло сужаются.

– Ошибаетесь, гражданка Зорина. Вы проходите по делу как свидетель убийства. Пока как свидетель. Но вы не так уж далеко от статуса подозреваемой. Как минимум в соучастии. Мы можем задержать вас на срок до сорока восьми часов даже без предъявления обвинения. Проверим, может, у вас с памятью все в порядке, и вы нам морочите голову. Так что вы удивитесь, узнав, как много вещей нас касаются. Ну что, поговорим по-хорошему? Или, быть может, желаете пригласить своего адвоката? Если адвоката у вас нет, он будет вам предоставлен бесплатно. Но тогда это будет уже официальный разговор, чреватый последствиями. Пока же, если вы будете сотрудничать...

– У меня нет на это времени!

– Придется найти.

Я чувствую, что огонек подбежал по фитилю уже совсем близко к пороховой бочке, и не выдерживаю.

– Товарищ капитан, вы хотите знать, что это за вещества?

Он бросает на меня раздраженный взгляд: выступил я очень некстати – полицейскому кажется, что он почти дождал подозреваемую, а на самом деле это все танцы на лезвии ножа.

– Гражданин Калитвинцев...

Я чувствую, что он хочет осадить меня, заставить ждать своей очереди, и не даю ему закончить:

– Это важно! Если, конечно, вы жить хотите.

– Та-ак, угрозы пошли? – встречает старлей, похоже, засидевшийся на скамейке запасных. – Это вы зря, Калитвинцев. Этим вы только...

– Да послушайте вы! – уже рывкаю я. – Что такое стан, знаете? Нет? Так позвоните в АПБР!

То, что последние слова были ошибкой, я понимаю, только когда они прозвучали. Оба полицейских бледнеют и оседают. Но если рыжий старлей просто тихо стекает под стол, то у коренастого капитана подламываются колени, и он с грохотом падает, опрокинув стул и свернув на пол папки с делами. На шум врываются конвойные, но их постигает та же участь. Рита работает жестко, не дозируя силу, словно дорвавшийся до еды изголодавшийся волк. Впрочем, как иначе – у них ведь пистолеты, и при постепенном воздействии они успеют пустить их в ход. Странно, что меня не срубила еще. Не считает угрозой? Или...

Осторожно приближаюсь к столу, пальцы мои смыкаются на ампуле и баллончике со станом. Ловлю ее взгляд, и колени начинают дрожать. Не от страха – это ее воздействие, только мягкое.

– Не ходи за мной, Артем! – предупреждает Рита. – Не надо!

И скрывается за дверями.

Слабость моя постепенно отступает. Сую ампулу, баллончик и шприц в карман, склоняюсь над капитаном, прикладываю пальцы к шее. Мертв. Проверяю остальных – тоже. Черт, черт, черт!! Это что, карма у меня такая – вляпываться в подобные истории? Не отпускает Зона? Не бывает бывших сталкеров, так, что ли?! Немного колебаний – и забираю пистолеты у конвойных. Им без надобности, а мне может пригодиться. Делаю глубокий вдох и шагаю за дверь.

Глава 8. Виктор

Иркутская область. Лесногорск. Десятый год метеоритного дождя

Мы шли за ним цепочкой, как выводок утят за матерью. И у нас даже мыслей не возникало, что в происходящем что-то не так. Где-то на заднем плане приглушенно поднывало воспоминание о Хетер. Только приоритет у него был никакой – словно у соседа канарейка сдохла. И грустно вроде, но мелочь же, в сущности. Сделал печальное лицо, посочувствовал и пошел дальше. Куда сказали. Потому что это «сказали» важнее. В разы. Как только в голове начинали клубиться какие-то сомнения или вопросы, отец подавал голос – и они улетучивались. Верной дорогой идете, товарищи, – за отцом по винтовой лестнице в подzemелье. А что, папа умный, он знает, что делает, и плохого не посоветует. Там, в подzemелье, наверное, что-то важное, и мы непременно должны это увидеть. А игра? Что игра? Чушь это полная! Взрослеть давно пора, а не маяться всякой ерундой!

Я шел первым. За мной – Монах, Вильям, Гэвейн, Кейт, Луи, Доминик, Габриэла и остальные. Замыкали нашу процессию папины помощники. Охранники, наверное. На мгновение у меня проскочила в голове ассоциация с конвоем заключенных, но тут же пропала. Папино «Не отставайте!» сразу превратило эту мысль в абсолютно идиотскую. В самом деле – придет же в голову подобный бред! А вот ощущение пристального взгляда в спину слегка нервировало. Монах, что ли, пялится? И чего, спрашивается? Тут вокруг есть вещи куда интереснее моей спины.

Когда мы дошли до первого этажа, я обернулся, чтобы посоветовать брату избрать себе другой объект для наблюдения... и проглотил свои слова. Взгляд в пустоту под капюшоном вызвал у меня приступ внезапного страха. На мгновение мне показалось, что передо мной и впрямь гриновский Монах, жуткое исчадие Нереального, а не отыгрывающий этого персонажа мой брат Паша в игровом облачении. Просто даже самый глубокий капюшон, если смотреть в упор, не скрывает все полностью. Хоть какие-то черты да видны. Хоть подбородок. А тут – пустота и темнота. Я замер, создав тем самым пробку на лестнице.

Отец обернулся:

– Ну чего там?

От звука его голоса меня охватило сильное желание продолжить движение, но пустота под капюшоном Монаха была против. Я повернулся к отцу.

– Папа, что происходит?

– Что?

Выражение лица у него было такое, как будто с ним внезапно заговорил подсвечник или столовый прибор. Честно говоря, никогда еще не видел отца таким растерянным. Более того – охранники выглядели не лучше.

– Э-э-э, ребята, – вдруг заговорила Кейт, – а где Хетер?

– Заткнитесь! – рявкнул отец, и девушка подчинилась.

Да и я, собиравшийся задать еще один дурацкий вопрос, резко передумал. Вот только ощущение правильности исчезло и возвращаться не собиралось. Наоборот – стремительно накачивали смятение и даже паника. А еще... Хетер! Боже, Хетер!

– Сбой воздействия, да? – внезапно скрипучим и совсем не Пашкиным голосом произнес Монах.

В одно мгновение он стал центром внимания. Я не понимал ничего, как и вся наша команда, но и отец с подручными, похоже, недалеко от нас ушли.

– Занятно, – продолжал вещать чужой голос из-под капюшона. – Значит, сирену «лояльную» создали? Молодцы, молодцы! Только тут ваша работа закончена!

Отец не ответил ничего, только глаза его гневно сузились. И тут же словно по команде из-за спин наших выступил один из охранников.

– Ложись! – прошипел Монах, и я послушно рухнул на пол, а вокруг началось светопре-
ставление.

Струя пламени, как из мощного огнемета, ударила из рук охранника прямо в Монаха, зацепив по пути Гэвейна и Вильяма. Они дико закричали, вспыхнув, словно политые бензином, а Монаху – хоть бы хны. Огонь будто обтек его. Даже я, лежа на полу, ощутил чудовищный жар. А еще – подступающую истерику. Вокруг творился какой-то сюр, оживляющий роман Грина. В реальности, а не в игре. Только по канону поливать всех пламенем должен именно мой персонаж, Виктор, а Монах – призывать тварей Нереального... Господи, а он-то что сейчас делает?

Монах развел руки, и справа я вдруг ощутил источник сильного холода. Бросил взгляд туда и уронил челюсть. В воздухе возникло зрительное искажение наподобие ряби, и оттуда, практически из ничего, шагнули на каменный пол двое. А парой секунд позже еще двое возникли с другой стороны. Одного, правда, сразу швырнуло на стену с такой силой, что, пожалуй, в его организме не осталось ни одной целой косточки. Но остальные не сплеховали. Огонь, вспыхнувший в руках отцовского охранника, погас, не успев толком разгореться. А в следующий миг он упал, пуская фонтаны крови изо рта и носа. Второй почти тут же застыл ледяной статуей.

Концентрация невероятного и безумного просто зашкалила, и в моей нервной системе, похоже, щелкнул предохранитель, отключив способность удивляться и пугаться. Ну да, отец подчиняет людей голосом. Ну да, его охранник стал живым огнеметом... а потом мертвым. Ну да, люди возникают из воздуха и замораживают других. А что такого? Все в порядке вещей.

Краем глаза я заметил, что из подвала по лестнице бегут еще люди. Видимо, подручные отца, потому что он, проскочив между ними, побежал вниз по ступенькам. Монах и трое возникших из воздуха повернулись к вновь прибывшим, намереваясь оказать им самый горячий прием. Или холодный – это уж как получится. А мы сейчас попадем между молотом и наковальней. Вероятность выжить... но не будем о грустном.

Инстинкт самосохранения сработал четко: я рванул с низкого старта в сторону дверей, поймал по пути, похоже, пребывавшую в полушоковом состоянии Кейт и потащил за собой. Кажется, за нами побежал Луи и еще кто-то, но я уже не оглядывался, потому что сзади раз-
верзлась сама преисподняя. Хотелось бы верить, что сражающимся в данный момент не до нас.

Я распахнул дверь в выходную галерею, буквально врезавшись в нее всем телом, и мы понеслись к той, что вела во двор. Понятия не имею, какой черт дернул меня за руку и заставил вытащить из ножен меч, но спасибо ему огромное. Потому что прямо за дверью был охранник. Он здорово удивился, увидев нас. Пожалуй, больше, чем мы. Это все и решило. А еще меч в моей руке. Деревяшка, конечно, но вполне себе приличных размеров и веса полотораручник. Не знаю, какими способностями обладал охранник, но применить их он не успел – удар плашмя по голове клинком принца Виктора Редгартского отправил его в глубокий нокаут. А мы, стараясь не переломать ноги на чертовых аутентичных булыжниках замкового двора, побежали к воротам, моля про себя всех богов, как местных, так и редгартских, чтобы больше нам по дороге никто не попался.

Молитва сработала. Как и ключ-карта, открывшая ворота. Когда мы только входили в замок, нам показалось круто, что ворота открываются медленно и плавно, а сейчас очень хотелось подгонять их матом. А потом матом захотелось ругаться просто в пространство. Потому что машины там, где мы ее оставили, не было.

Интерлюдия 4. Дневник неизвестного (Десятый год метеоритного дождя)

12 августа, Иркутск

Я заметно приблизился к своей цели, причем по всем направлениям. Мне определенно удалось установить: то, что я чувствую, – не что иное, как сигналы готового пробудиться Источника. Он неподалеку отсюда. К северу. Вокруг горы и лес. По крайней мере я так ощущаю. Теперь я его уже точно найду. Тем более прогресс в моем владении энергетической формой поистине впечатляющий. Я нашел возможность привлекать огромные объемы энергии и распоряжаться ими. Правда, пока не знаю способа хранить эту энергию таким образом, чтобы пользоваться ею месяцами и годами, пребывая все это время вне физического тела. То есть приходится сразу же ею и распоряжаться. Но и это уже чрезвычайно ценная штука, так как энергетическая форма дает невероятное количество возможностей, только многие из них чрезвычайно энергозатратны.

Могу отметить сразу несколько моментов. Первое: я довел почти до совершенства работу с фантомами. Могу создавать и управлять одновременно сразу несколькими. Это почти идеальные исполнители, которым можно даже давать некоторую ограниченную самостоятельность в рамках поставленной задачи и не «пасти» их непрерывно, что дорогого стоит. Второе: я, не будучи Измененным в полном смысле этого слова, могу, так сказать, занять среди них место альфа-особи, которой они будут подчиняться. По результатам пси-контактов с некоторыми так называемыми Новыми могу сказать о себе следующее: по своим возможностям я стал почти как Посвященный Источника. Думаю, если мне удастся мой главный план, «почти» исчезнет. Третье: на меня не действуют особые способности Измененных. Не назову это полным иммунитетом только из опасения сглазить. Просто сталкивался я еще далеко не со всеми. Четвертое: управление аномалиями. Вернее – создание и управление. Пока что экспериментировал только с пространственными и климатическими. Никогда бы не подумал, что такое у меня получится – это же принципиально новый уровень! Вот уж на что уходит прорва энергии! Время существования – короткое, расстояние переноса – незначительное (до двух километров максимум). Но все же это невероятное достижение! Тем более я уверен, что указанные характеристики – всего лишь вопрос количества вложенной энергии. В этом плане я, конечно, Источнику не конкурент, на то он и Источник. Но насколько я понимаю, Посвященный – это нечто промежуточное между Источником и его созданиями. Не посредник, а уровень, образно говоря, командного состава второго эшелона. И он же – по сути, единственный, кто допущен к общению с самим Источником. Если я смогу стать Посвященным для того, что еще не пробудился, – это уникальная возможность оказать на него решающее влияние. Это и есть моя главная цель.

Источник уже совсем рядом. Готов ли я к встрече с ним? Мой уровень в работе с энергетической формой и с теми способностями, которые она дает, конечно, уже очень высок, но достаточен ли он для того, чтобы при контакте не сделаться окончательно и бесповоротно рабом Источника? Не уверен. Только вряд ли мне еще хоть раз представится такая возможность, и, упустив ее сейчас, я всю оставшуюся жизнь буду кусать локти. Похоже, выбора нет – надо ехать в эту глушь и завершать свой поиск.

Глава 9. Художник

Иркутск. Десятый год метеоритного дождя

Я стараюсь держаться на расстоянии от нее, чтобы не вызвать агрессивную реакцию, наглядных примеров которой мне было показано более чем достаточно – человек в считанные секунды становился трупом. Странно... Мне приходилось раньше видеть пьющих жизнь в Печоре, а затем и в Муроме, и во Владимире. Эта сила действовала не так быстро. Растут, выходит, Новые, крутеют. И Рита – тому доказательство. Я видел, как она без малейших колебаний убила даже тех, кто не был вооружен, а просто пытался остановить ее. Их было достаточно только свалить на пол – по себе знаю, что в состоянии медузы много не навоюешь. Но она действует радикально – убивает сразу и наглухо.

Неужели точка невозврата уже пройдена? Тогда почему она не убила меня там, на месте? Повод был – я держался за баллончик со станом, а также имел возможность добраться до оружия. Но не убила, только предупредила, чтоб отвалил. Тогда второй вопрос – почему я таки не отвалил и продолжаю за ней идти? Что надеюсь сделать? Баллончик со станом и шприц с антиновой – все это оружие ближнего боя. Да и скорее всего уже бесполезное. Если *изменение* завершено, назад уже ничего не вернуть. А она очень опасна – восемь трупов полицейских довольно прозрачно на это намекают. У меня два пистолета, но смогу ли я в нее выстрелить? Тут ведь тоже надо сразу и наглухо, причем в голову, чтобы не стать трупом самому.

Черт тебя подери, Художник, ты что, стал сентиментальным? Пять часов флирта с женщиной в самолете и еще час кувырканий с ней в постели на земле – не повод, чтобы не убить ее, когда она стала безжалостной хищницей, потерявшей все человеческое... Хотя все ли? Тыто жив и вполне здоров. Выходит... Ничего, конечно, не выходит, если честно. Измененные – не люди, и подходить к ним с человеческими мерками глупо. Что-то замкнуло у нее в голове, и тебя она не убила. Что-то замкнуло у тебя, и ты тащишься за ней, как привязанный, не в силах сделать то, что должен, чтобы обезопасить от нее людей. Здесь истинное милосердие не в том, чтобы оставить в живых, а как раз наоборот. Одна отнятая жизнь в обмен на сколько спасенных? Пока неизвестно, но эта арифметика в любом случае – не в пользу Риты. И пока ты ищешь оправдания своему бездействию, вероятность появления новых трупов растет с каждой минутой. Ты не знаешь, в какой момент она продолжит свой кровавый счет. Например, убьет случайного парня на улице, полезшего в карман за телефоном, решив, что он пытается достать оружие. Но только ты в курсе, какую угрозу несет Измененная. И только ты можешь ее остановить.

Иду и смотрю ей в спину, веду этот странный диалог с собой и не могу ни на что решиться. А между тем также в любой момент по факту трупов в отделении начнется кипеш. И очень быстро обнаружится отсутствие одного оформленного задержанного. Меня то есть. Если Риту считали свидетелем, плюс она была без сознания, то могли и не оформить. А значит, искать, если что, станут только меня. Моя физиономия очень быстро украсит все ориентировки по городу. А странная причина смерти заставит полицейских позвонить в АПБР, если это еще не сделано. Поймают. Как пить дать поймают, причем очень быстро. Я отхвачу по полной, а Рита уйдет.

Так надо же что-то делать! Но что? Стрелять прямо здесь, посреди улицы? Дождаться, когда она зайдет в подворотню? Только Рита, похоже, и не собирается этого делать – просто шагает на север по широкой и многолюдной улице Рабочего Штаба. И я за ней хвостиком. Куда? Зачем? На Северный полюс? Она десять раз повторила на допросе, что ее зовут и ей надо идти. Идет, верно. По направлению к цели. Знать бы, к какой. Кто или что может звать Нового? В голову приходит лишь один вариант, и он мне страшно не нравится.

Выныриваю из своих размышлений и замираю столбом: Риты впереди нет. Вот просто нет, и все, будто в воздухе растворилась! Отвлекся-то я меньше чем на минуту – и вот, нá тебе! Зашла куда-то? В магазин, в переулок? А может, как раз сейчас происходит то, чего я боюсь? Страх прищипривает меня, но мешает ясно мыслить. Ускоряю шаг и почти тут же перехожу на бег. Где же ты, где?! В следующем здании – продуктовый магазин. А ведь не исключено, что она там! Измененный ты или нет, есть тебе хочется регулярно. Бегу к магазину. Прямо перед ним – небольшой тупик и боковая дверь, видимо, для заезда грузовиков и выгрузки товара...

Бросаю туда взгляд и краем глаза замечаю движение у темной стены. А в следующий момент мне делается плохо. Слабость наваливается медведем, норовит подломить колени, опрокинуть меня на асфальт. На сей раз Рита работает не на смертельной интенсивности, а на обездвиживающей – как тот тип, что ввел ей свою кровь. Пистолеты во внутренних карманах, в наружных – аэрозоль и шприц, но с таким же успехом они могли бы остаться и в отделении. Мне их просто не достать. Руки как ватные и вдобавок трясутся, как у последнего алкаша. Я бы свалился мешком, но Рита уже рядом и подхватывает меня.

– Тихо-тихо, Тема, падать не надо! Что ж ты так перебрал-то, наказание мое?

До меня доходит – это спектакль для проходящей мимо парочки, которая разом теряет к происходящему интерес.

– Убьешь меня? – цежу едва слышно.

– Хотела бы – убила еще в полиции, – так же отвечает она. – Мне машина нужна.

– У меня нет.

– Я знаю. Добудь!

– Зачем?

– Ехать.

Ну да, каков вопрос, таков ответ. Похоже, место, куда ее зовут, достаточно далеко. Уточняю формулировку:

– Я тебе зачем? Вырубаешь любого автовладельца на ближайшей стоянке, садишься и едешь.

– Я не умею водить, – это уже совсем сквозь зубы. – Отвезешь меня.

– Куда?

– Куда скажу.

– Почему я?

– Ты под рукой, – пожимает плечами Рита.

Замечательно! При таком раскладе смысла задавать вопросы нет никакого. И выбора у меня теперь тоже нет – все свои варианты я уже профукал. Уточняю только:

– Нужен внедорожник?

– Ага... С навигатором.

Глава 10. Виктор

Иркутская область. Лесногорск. Десятый год метеоритного дождя

«Нас четверо. Пока еще мы вместе...» Так, кажется, пелось в «Д'Артаньяне и трех мушкетерах»? Вот это прямо про нас. Я, Луи, Доминик, Кейт. Четверо из четырнадцати. Ужас. Он только теперь накрыл меня, когда мы сломя голову удрали из замка пешком и оставили «средневековый квартал» позади. Дикое везение, что Монах решил устроить свое нападение именно сейчас, пока нас не... что? Что бы с нами сделал отец и его присные? И кто теперь мой отец? И что с моим братом и теми нашими, кто не смог сбежать из замка?

– Какого черта, Вик?! – Голос всегда спокойного Доминика аж вибрировал. – Что это было?!

«А я знаю?!» – хотелось заорать мне. Но не заорал. Кто-то из нас должен сохранять спокойствие, если мы хотим выжить, потому что, сдаётся мне, наши приключения здесь еще не закончены. И этим кем-то должен стать я. Как тот, кто всех сюда затащил и худо-бедно здесь ориентируется. Я попытался мыслить здраво, отринув всякую мистику. На ум приходила только одна гипотеза. Ее я и озвучил:

– По-моему, это были Измененные.

– Кто?!

– Телевизор не смотрите, что ли? Зоны там аномальные, мутанты разные, Объекты с их излучением.

– Так это же в Европейской части! – возразил Луи, который, похоже, как и я, старался сохранять видимость спокойствия, и выдавали его только подергивающиеся пальцы. – Сколько тысяч километров отсюда!

– Но не на другой планете же, так? Измененные вообще-то умеют пользоваться поездами и самолетами. И машины водить тоже умеют.

– Твою-у ма-ать! – с чувством протянул Доминик. – Во вляпались, а?! Лучшая игра в нашей жизни, да, Вик?!

– Остынь, Дом! – придержал его Луи. – Вик-то здесь при чем? Можно подумать, он знал.

Доминик отступил на шаг и яростно стукнул кулаком по стене ближайшего дома. Похоже, сейчас он мог либо молчать, либо истерить и, к счастью, предпочел первое.

– Что же теперь с ребятами, Вик? – Это уже Кейт. В ее глазах стояли слезы.

На пару секунд я остро позавидовал ей: она хотя бы могла себе позволить быть слабой – как-никак единственная среди нас женщина. Вопрос прозвучал, вот только как на него ответить? Надо быть честным.

– Не знаю, Кейт. Вильям и Гэвейн мертвы – их сжег тот огнеметатель. С Хетер тоже все ясно, а Монах...

– Что Монах? – вскинулся Луи. – Это же он все устроил!

– Я не верю! – вскинулась Кейт. – Павел не такой!

– Не такой, – подтвердил я. Вспомнил пустоту под капюшоном и поежился. – Кто бы ни был в том плаще, это не Монах. Точнее, не мой брат. Еще один Измененный, занявший его место. А Паша... либо мертв, либо у них. И с остальными скорее всего так же.

– У кого «у них»? – Кейт не отставала.

Я ощутил подступающее раздражение. Тоже, нашли всезнайку! Откуда у меня ответы?

– Без понятия. Там сцепились две группировки. Кто из них кто, я представления не имею.

И кто победил – тоже.

– Но твой старик, кажется, командовал одной из них, так? – спросил Луи.

– Похоже на то, – с неохотой отозвался я.

– Так, может, ты позвонишь ему?

– Сомневаюсь, что это хорошая мысль.

– Почему?

– Потому что он теперь тоже Измененный, разве непонятно? – глухо уронил стоящий у стены Доминик. – Один звонок ему – и нам с вами капец!

– Но мы не скажем, где мы! – упорствовал Луи. – Просто спросим, в чем дело и где наши друзья. А если поймем, что дело нечисто, нажмем отбой, и все.

– Все?! – Доминик расхохотался. Нервно, с подхрюкиванием и повизгиванием. Мы всегда стебали его за этот смех, и потому он старался смеяться сдержанно. Но сейчас требовался выход дичайшему нервному напряжению. Это была почти истерика, но я не мешал ему: пусть просмеется, авось отпустит. Мне Доминик нужен в форме, способным мыслить хладнокровно. Тогда он очень полезен.

– Поражаюсь твоей незамутненности, Луи! – заговорил Доминик, отсмеявшись. – Узнает он, что дело нечисто! Ты экстрасенс, да? Может, тоже Измененный? И если папочка Вика скажет: «Все в порядке, ребята, возвращайтесь!», ты определишь, врет он или нет? Забыл, как мы шли за его голосом, как овцы на закляние?! Захотелось второй серии? А если у них там такой спец есть, который махом вычисляет, откуда кто звонит? Ты хорошо разбираешься в Измененных, Луи? Может, диссер по ним защитил?!

Растущее напряжение в голосе Доминика грозило срывом, и я вмешался, положив руку ему на плечо:

– Хватит, Дом!

Он отдернулся, будто я был прокаженным.

– Не хрен меня затыкать, Вик! Знал или нет, но ты нас в это втравил, и ребята погибли! И не тебе говорить мне «хватит»! Они там погибли, и я туда не вернусь! Я ко всем чертям сваливаю из этой проклятой дыры! Прямо сейчас, ясно?! И те из вас, у кого есть хоть капля мозгов, сделают так же!

Мне остро захотелось ему врезать. Но меня опередили. Пощечина Кейт звенела не хуже, чем ее голос.

– Значит, похоронил их уже, да?! – Это была ярость сквозь слезы. – А они бы тебя не бросили!

– И мы их не бросим, Дом, – тихо, но уверенно сказал я. – Пока будет шанс вытащить.

Луи кивнул, выражая свое молчаливое согласие.

– Психи, – тоскливо проговорил Доминик, потирая щеку. – Сдвинутая троица самоубийц. Угораздило же связаться! Думаете, когда вы припретесь их спасать, они будут еще теми парнями и девчонками, которых мы знаем? Нет. Они *изменяются*, к гадалке не ходи! И грохнут вас, идиотов благородных. Вперед, если жить надоело! А я пас. Обещаю в Иркутске как следует жакнуть за помин ваших душ.

Он покачал головой и пошел прочь. Признаться, мы до конца не верили, что он уйдет. Но ошибались.

– Трус! – бросила ему вслед Кейт.

Он не задержался и даже не обернулся. Только буркнул:

– Зато живой буду. Прощайте, чокнутые!

* * *

Отцу звонить я все же не стал. Можно думать о Доминике все что угодно, но в здравом смысле ему не откажешь. Я видел глаза отца там, в замке. И для меня было очевидно – теперь он чужой. И не человек больше. Мне сложно было это осознать и еще сложнее смириться. Меня охватило какое-то странное отупение. Похоже, в нервной системе сработал предохранитель, вкативший мне изрядную дозу ментального новокаина. Без него я мог бы и не выдержать –

слишком много потерь сразу. Друзья, отец, брат... Будь Пашка в порядке, он вряд ли позволил бы тому Измененному занять его место. Значит, тоже либо мертв, либо... Расклад получался отвратительный. Признаться, не очень я верил в успех нашей спасательной операции, но поддержать Доминика не мог. Особенно на глазах у Кейт.

Вообще ситуация, в которой мы оказались, выглядела не только трудной и опасной, но и довольно глупой. Мы все трое были в игровых облачениях. Нормальная одежда осталась частично в замке, частично в машине. То и другое сейчас было нам недоступно. И с деньгами и документами дела обстояли так же. Паспортов нет, только аусвайсы. Естественно, никто не догадался захватить с собой кошелек или бумажник. Так что, даже отыщи мы сейчас одежный магазин, оставалось его только ограбить. Идея отправиться в полицию была бы здоровой, если б не наш внешний вид. То, что мы собирались рассказать, прозвучит достаточно безумно и без наших костюмов. В них же мы будем выглядеть полными неадекватными. С этим требовалось что-то сделать.

Мы прошли пару кварталов, думая каждый о своем, прежде чем Луи наконец поинтересовался, есть ли у меня план. Вопрос законный. Но откуда же ему взяться, плану-то? Разве что от сырости. Моросило потому что. Мелко, противно. Костюмы наши постепенно напитывались влагой, что настроения вовсе не улучшало. И доминирующим стремлением моим было окантоваться как можно дальше от Логова отца, в частности, и от «средневекового квартала» вообще. Не для того, чтобы сбежать, а чтоб хотя бы временно обезопасить себя от возможного преследования и уже потом, в зависимости от ситуации, вернуться. По крайней мере так я себя мысленно уговаривал.

Ну и параллельно обмозговывал всевозможные варианты на предмет выкрутиться. А было их немного. Сюда, в Лесногорск, я приезжал всего пару раз и никого не знал, кроме, быть может, нескольких человек из отцовского персонала в самом замке. А вот в городе... Директор отцовского карьера меня не видел и не знает, и фиг я ему докажу без документов, что я сын Петра Подгурского и мне как отпрыску Большого Босса положено оказывать всестороннюю помощь и содействие.

А если не в Лесногорске... кстати, мысль! Смартфон-то у меня с собой, слава Богу, в кармане камзола – я не принадлежу к тем ортодоксам, которые, выходя на игру, принципиально не берут с собой ничего из современного мира. А моя книга контактов имеет самостоятельную ценность – в том же Иркутске достаточно людей, которые по моему звонку приедут в эту глухомань, пригонят мне машину, денег и одежду, а может, и еще чем помогут. Все-таки хорошо быть сыном богатого отца, имя которого может работать не хуже платиновой кредитки! Сейчас пошукаем...

Стоило мне достать смартфон, как Луи оживился:

– Решил все же позвонить отцу?

– Нет, – покачал я головой, листая список контактов. – Тут Дом прав – это опасно. Но не отцом единым...

Ага, вот – Панкратов, гибэдэдэшник. Этот не только отцу, но и мне лично должен. Хорошая кандидатура. Так, вызов... Что за черт?! Ошибка сети. А ведь и точно – нет ни одной палки! Бред! Я точно знаю, тут есть ретранслятор «Мегафона»! Специально симку купил, чтобы здесь звонить.

– Ну? – нетерпеливо поинтересовался Луи.

Мне хотелось огрызнуться в рифму, но я сдержался и только молча продемонстрировал ему экран. Он тихо ругнулся.

– Проверьте свои, – посоветовал я.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться, что и у них дела не лучше.

– Это что же – они связь глушат? – растерянно спросил Луи.

– Я бы несколько этому не удивился.

– Приехали! – констатировала Кейт. – И что делать будем?

Хороший вопрос...

– Для начала надо раздобыть нам нормальную одежду, а потом...

– Полиция! – воскликнул Луи.

– Да, я тоже думал об этом, но...

– Да нет же! – Он схватил меня за плечо и указал пальцем куда-то мне за спину. – Вон полиция!

Мы с Кейт обернулись и действительно увидели выворачивающую из-за угла дэпээс-ную машину. Она не просто ехала мимо, а направлялась конкретно к нам. Во мне вспыхнула радость пополам с тревогой. Выглядим мы, конечно, оригинально, но это не повод, чтобы...

А вот Луи, похоже, тревоги не испытывал совсем. Он бросился навстречу машине, размахивая руками.

– Эй! Остановитесь, пожалуйста!

Разумеется, они остановились. И вышли из машины. То, как напряжены были их лица и как они держали руки поближе к кобурам, навело меня на очень неприятные мысли. Мы с Кейт обменялись взглядами, и я понял, что ей тоже не по себе.

– Вам нужно поехать с нами.

– Да, мы как раз... – начал было Луи, но я его перебил:

– На каком основании?

Если у меня и было желание обратиться в полицию, сейчас оно пропало напрочь: не нравились мне выражения их лиц, и все тут!

– На вас поступила ориентировка в связи с беспорядками в замке. Лучше садитесь в машину!

Луи к такому повороту событий был явно не готов. Он беспомощно оглянулся на нас.

– Но мы... Но как же... Да, там было нападение... И нас... Наши друзья... Мы ни при чем совсем, правда! Там были...

– Вот и разберемся, кто при чем, а кто нет, и кто где был, – спокойно заметил старший из двух полицейских.

А младший напряженно улыбнулся. Он не смотрел на Луи. Смотрел на меня, и рука его, как в ковбойских поединках из вестернов, замерла возле кобуры. А глаза будто говорили: «Ну, давай, трепыхнись, дай мне повод!»

Я давать повод не собирался. Уже было ясно, что эти двое тут не случайно и что искали они именно нас. А вот по чьей наводке – вопрос. Но сейчас нам не уйти. Полицейские готовы пустить в ход оружие. Пристрелят нас как не фиг делать. И хотя этот арест (в чем никто не сомневался) не сулил ничего хорошего, он был лучше, чем пуля в затылок при попытке к бегству.

– Как скажете. – Я развел руки с открытыми ладонями в стороны. – Никаких проблем!

Глава 11. Родион

Окрестности Лесногорска. Десятый год метеоритного дождя

«Абонент выключил телефон или находится вне зоны действия сети».

Родион Шепелев выругался и стукнул кулаком по рулю.

– Где же ты, Вера? Куда подевалась?

Естественно, вопрос остался без ответа. Конечно, в прошлый раз, когда жена уезжала в Лесногорск к матери, она тоже отключала телефон, но тогда-то они поссорились. Сейчас же просто поехала навестить... И пропала. Как в Бермудском треугольнике. Три дня телефонного молчания и «вне зоны действия сети». Учítывая, что отношения между ними сейчас были абсолютно нормальными, успокаивающего объяснения этой ситуации он не находил. Павел не был ни патологическим ревнивцем, ни гиперопекуном, качественно делающим слонов из всех пролетающих мимо мух. Но в этот раз слон возник без всяких усилий с его стороны. И олицетворял он собой уже серьезную тревогу. Что могло с ней случиться? Батарея села? Ага, и три дня она ее зарядить не может? Нереально. Потеряла телефон? Вера могла. Только тогда бы позвонила от матери и предупредила...

Чертов Лесногорск! Долбаная глухомань! Нельзя было отпускать ее одну... Ха, нельзя! Можно подумать, она бы кого-то спросила! Независимая у него жена. Даже слишком. Впрочем, он знал, на что шел. Теперь придется ехать туда, к Анне Васильевне. Вера этому, конечно, не обрадуется, да и теща тоже, ну да выбора нет. Не может он просто плюнуть на все и заняться своими делами.

Родион завел машину и только собрался съехать с обочины, как мимо него в сторону Лесногорска промчался серый «Форд». Прикинув на глаз его скорость, Шепелев присвистнул: не меньше ста восьмидесяти вваливал.

– Ну и где пожар, придуток? – пробормотал он, выезжая на дорогу.

Мысль, что «пожарный» несется в тот же Лесногорск и, возможно, по схожей причине, Родион поспешил отместить – от нее делалось тяжело и страшно. Больше, чем уже есть.

Шепелев помнил дорогу – пару раз ездили сюда с женой. Вот за этим поворотом должен был открыться город. Должен... И где? У Родиона на затылке зашевелились волосы. Города не было. И дороги тоже. Ее перегораживала сплошная стена елового леса, в которой асфальтовая лента исчезала, будто обрезанная ножом. Шепелев ударил по тормозам и остановился в нескольких метрах от елок, радуясь, что не успел набрать скорость. Ну ладно, он не успел, а куда делся тот псих, который несколько минут назад промчался мимо него? Он просто физически не смог бы затормозить! Сейчас у этих елок должны были догорать искореженные остатки серого «Форда». Но не было ничего. От слова «совсем». Будто «Форд» исчез неведомо куда вместе с дорогой.

Родион ущипнул себя, надеясь проснуться. Но толку не было – картина мира не поменялась. Что за чертовщина?! Он не мог ошибиться с поворотом – с этой дороги не было съездов до самого Лесногорска. Соответственно не мог это сделать и чокнутый лихач. И остановиться так, чтобы его не было видно, тоже: ели росли сплошной стеной – ни прогалины, ни поляны. Кроме того, вон та ель с кривым стволом и высохшими нижними ветками... Родион ее хорошо помнил – это был ориентир. Значит, ехал он по правильной дороге. Только где она, черт ее дери?!

Родион вышел из машины, открыл багажник и достал оттуда охотничий дробовик. Зарядил его. Стрелять тут вроде было не в кого, но вес оружия странным образом добавлял уверенности. Если вдруг возникнет угроза, с которой можно будет справиться парой зарядов дробин, то будет чем ее встретить. Шепелев уже почти хотел, чтобы она появилась. Творившаяся неве-

домая хрень пугала сильнее, чем вылезший из леса медведь. Родиону довелось и это испытать, так что он мог сравнивать.

Что делать? Ехать назад, искать другую дорогу? Бросать здесь машину и лезть напролом сквозь еловую чащу? Оба варианта выглядели не фонтан – уйдет куча времени, а результат неизвестен. Между тем Вера где-то там, в пропавшем с лица земли Лесногорске, и, возможно, в беде, а он тут сопли жует и не знает, на что решиться...

Вывернувший из-за поворота потрепанный «Лендкрузер» пришелся как нельзя кстати. Для водителя заступившие дорогу ели, видимо, тоже стали большим сюрпризом, и он резко затормозил.

– Эй! – крикнул Шепелев и помахал рукой. – Пойдите, не уезжайте!

Но они и не собирались. Вышли из машины с обеих сторон. Среднего роста жилистый шатен лет тридцати пяти и стройная блондинка лет на пять его моложе. Блондинка посмотрела на Родиона и его ружье, но в глазах ее страха не было. Напротив, они нехорошо сузились, и блондинка шагнула вперед. У Шепелева внезапно задрожали колени, и дробовик чуть не выпал из охваченных странным тремором рук.

– Беги! – вдруг закричал шатен. – Беги же, идиот!

Родион подчинился, не раздумывая – собственный выскочивший из засады страх был совершенно солидарен с незнакомцем. О машине Шепелев и не подумал – почему-то был уверен, что уехать не успеет, – и на подгибающихся ногах рванул к лесу.

– Рита! – услышал он за спиной. – Нет!

Сзади послышалось шипение аэрозольного баллончика и шум схватки. Шепелев не обернулся – страх вырос до невероятных размеров и чуть ли не пинками загнал его в чащу.

Промозглый холод, словно от сквозняка, и ударивший в нос химический запах застали его врасплох. Почему-то показалось, что это опасно, но сделать Родион ничего не успел. Не успел даже остановиться. Холод стал очень сильным, а в глазах потемнело, но всего на несколько секунд, как при кратковременной потере сознания.

А когда пришел в себя, чащи не было. Вернее, она расступилась, а перед ним лежал Лесногорск. Его южная часть и гора Лосиха, у склонов которой притулился город.

– Какого... – начал эмоциональную реплику Родион, но закончить не успел.

Из ближайших кустов на него буквально вылетел странный молодой человек, одетый в синий костюм, похожий на те, что носили средневековые аристократы. Глаза его были совершенно ошалевшие, а в руке он держал (твою ж налево!) меч с широким клинком.

Руки Родиона сработали раньше мозга, и прогремел выстрел.

Глава 12. Художник

Окрестности Лесногорска. Десятый год метеоритного дождя

– Мы уже близко! – это первое, что я слышу от Риты, с тех пор как мы выехали из Иркутска на угнанном мною «Лендкрузере», и она вывела меня на эту дорогу, ведущую, судя по навигатору, в Лесногорск.

Что может быть нужно Измененной в этом заштатном городишке? Кто ее оттуда зовет? Или что? Думать об этом попросту страшно. Где-то там, в глухомани, начал излучать еще один Обломок, о котором еще никто не знает? М-да, сбежал ты, сталкер, от Зоны! Качественно сбежал – из огня да в полымя! Что сделает со мной Рита, когда я перестану быть ей нужен в качестве водителя? *Выпьет?* Сделает таким же, как она? Хрен редьки не слаще. Хотя, будь у меня выбор, я бы, пожалуй, предпочел смерть. Только пистолеты она у меня забрала, даже не застрелишься. Правда, во внутренних карманах лежат баллончик со станом и шприц с антиновой. Забыла ли о них Рита или оставила специально? Впрочем, иллюзий насчет ее сантиментов я не питаю. Процесс *изменения* должен уже подходить к концу – какие теперь, к черту, человеческие чувства? Но, как бы то ни было, незаметно достать все это не получится – Рита сидит рядом и бдит за мной. Ей даже шевелиться не надо: небольшое усилие воли – и я превращаюсь в медузу на берегу. Чуть большее усилие – и я делаюсь трупом. Может, в итоге и придется ее так спровоцировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.